

Андрей Ливадный

# Омикрон



Часть сборника  
*Вечный город – Земля (сборник)*



**Андрей Львович Ливадный**  
**Омикрон**  
Серия «Экспансия: История  
Галактики», книга 13

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=119425](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119425)*

**Аннотация**

Три десятилетия Галактической войны унесли многие миллионы жизней и превратили Землю в технократическую пустыню, где на одного живого человека приходилось до сотни кибернетических систем. Командующий объединенными силами военно-космического флота Земного Альянса адмирал Табанов накануне решительной схватки со Свободными Колониями стоит перед выбором: победить в войне, опираясь на искусственный разум, и превратить остатки человечества в рабов машин или уравнивать шансы с противником, отказавшись от использования боевых кибермеханизмов...

# Содержание

Пролог.	4
Часть 1.	34
Глава 1.	34
Глава 2.	100
Глава 3.	114
Конец ознакомительного фрагмента.	131

# Андрей Ливадный

## ОМИКРОН

### Пролог.

*Земля. Центральный мегагород. Раннее утро...*

Низкорослый, седовласый, плотно сбитый человек в форме адмирала военно-космических сил Земного Альянса стоял у окна кабинета, глядя с высоты сто десятого этажа на знаменитую многоуровневую площадь Пяти Углов.

Три десятилетия назад здание Всемирного Правительства, возглавляемого в ту пору Джоном Уинстоном Хаммером, было известно каждому жителю Солнечной системы, а затем, с началом колониальной войны, облик этого строгого утилитарного строения узнали во многих уголках освоенного людьми космоса.

Теперь здесь царил лишь незримый дух прошлого.

Взгляд за огромное панорамное окно кабинета возбуждал совсем иные мысли, нежели раньше, да и сам Джон Хаммер уже не входил по утрам в свои рабочие апартаменты.

Сейчас у окна стоял адмирал Табанов, командующий объединенными силами военно-космического флота Земного Альянса.

Его усталое, волевое лицо казалось угловатым из-за резко очерченной линии скул и массивного подбородка. Глаза Табанова были ясными, пронзительными, и даже непомерная усталость последних суток не могла погасить в них блеск, который говорил о незаурядной воле командующего.

Он не боялся призраков и не оглядывался на тени, которые, казалось, наполняют собою сумеречные углы огромного кабинета. Его не интересовали реликты прошлого. Три десятилетия назад он вступил в войну двадцатилетним лейтенантом и прошел этой тяжелой стезей, вбирая душой и разумом все ужасы побед и поражений. Он, как никто другой, испытал эту войну на собственной шкуре, узнав настоящую цену жизни и смерти...

Глядя на пустынную площадь Пяти Углов и окружающие ее сверхнебоскребы, он, в противоположность Джону Хаммеру, не видел за прозрачными стенами из армированного стекла копошащегося человеческого муравейника, и это обстоятельство наводило адмирала на определенные, далеко не светлые мысли.

Три десятилетия войны превратили Землю из перенаселенного, урбанизированного мира в технократическую пустыню, где на одного живого человека приходилось до сотни кибернетических систем.

Адмирал поднял взгляд к вершинам небоскребов.

Сады, разбитые на плоских крышах под прозрачными решетчатыми куполами, зеленели, как встарь, но теперь часть

обычных сегментов из сводов оранжерей была заменена на многослойное бронестекло, а под сенью реликтовых растений прятались сложные компьютерные комплексы, управляющие зенитными батареями противокосмической обороны.

...Дверь кабинета тихо приотворилась, по мягкому ковру прошуршали вкрадчивые шаги.

– Все готово, Денис Алексеевич.

Табанов обернулся. Сзади стоял его адъютант в форме полковника ВКС.

– Вы нашли его?

– Да, сэр, – ответил полковник Штейнер. – Все обстоит приблизительно так, как вы предполагали.

– Где? – коротко осведомился Табанов.

– В системе лун Урана. Ранее этот участок космического пространства принадлежал одной из фирм, производивших колониальные транспорты. Он воспользовался шестью заброшенными колониальными сферами, чтобы создать на их основе свою орбитальную станцию.

– Хорошо... – Табанов удовлетворенно кивнул, бросая последний взгляд за окно. – Рад, что на Земле остался хоть один здравомыслящий человек... – негромко добавил он в ответ собственным мыслям. – Жаль, что этот человек по-прежнему верит в чудеса гуманизма... – едва слышно произнес адмирал, отворачиваясь от окна.

Адъютант, не расслышавший последних фраз, напряженно смотрел на командующего.

– Что-то не так, господин адмирал? – осторожно осведомился полковник.

– Нет, – покачал головой Табанов. – Все в порядке. Не будем терять времени.

\* \* \*

Сутки спустя. Солнечная система. Район высоких околопланетных орбит Урана...

Космический холод и чернильная тьма пространства, исколотая мириадами ярких, колючих звезд, царили тут испокон веков. Даже бурная человеческая деятельность, направленная на колонизацию лун Урана, не смогла нарушить мрачного покоя, царящего на задворках Солнечной системы.

На удалении в восемнадцать астрономических единиц от Земли Солнце превратилось в ослепительную точку и почти не грело, лишь слабо светился отраженным светом непроницаемый облачный покров планеты-гиганта да матово отсвечивало множество ледяных глыб, образующих менее плотное, чем у Сатурна, кольцо. Восемь наиболее крупных спутников Урана казались темными покоробленными горошинами, сплошь покрытыми оспинами метеоритных кратеров.

Стоя на мостике малого крейсера, адмирал Табанов смот-

рел в черноту космического пространства, напряженно вы-  
сматривая что-то меж мертвых спутников и ледяных глыб.

Казалось, что может искать взгляд человека в этом отда-  
ленном уголке космоса, где царит вечный холод и мрак?

– Сейчас они появятся, сэр. – Командир корабля подошел  
к низкому ограждению смотровой площадки мостика и же-  
стом указал на узкую полоску черноты в одном из секторов  
полусферического обзорного экрана, который создавал пол-  
ную иллюзию присутствия в открытом космосе.

Табанов покосился в указанном направлении, попутно за-  
цепив взглядом корабли поддержки.

Четыре конвойных носителя, сопровождавшие крейсер  
командующего, двигались параллельными курсами. Их стар-  
товые катапульты были заряжены, и любое непредвиденное  
обстоятельство немедленно вызвало бы мгновенный выброс  
десятков космических истребителей.

Однако этого не потребовалось.

В указанном капитаном крейсера секторе пространства  
начали выступать из мрака, медленно очерчивая свои конту-  
ры, шесть плотно состыкованных между собой сфер. Опыт-  
ный глаз Табанова сразу же распознал в этой конструкции  
отдельные, хорошо узнаваемые элементы.

Рукотворное сооружение состояло из шести колониаль-  
ных транспортов, которые строились в Солнечной системе  
более четырех веков назад, во время так называемого Вели-  
кого Исхода, когда часть Человечества покинула Землю на

подобных кораблях, чтобы пройти через пространство аномалии космоса в рискованной, практически безумной попытке достичь иных звездных систем.

Сейчас вид построенных, но не стартовавших колониальных сфер породил в сознании адмирала Табанова противоречивые чувства. Он, как и его предшественник, Джон Хаммер, считал себя трезвым и здравомыслящим человеком. Пройдя все адские круги войны, начиная от печально известного штурма Дабога и заканчивая масштабными космическими сражениями последних лет, он постепенно продвинулся по служебной лестнице, преодолев нелегкий путь от лейтенанта космической пехоты до адмирала флота.

Когда началась война, он жил в условиях, близких к нищете, в перенаселенном городе-муравейнике, и легко воспринимал идеи главы Всемирного Правительства. В своих речах Хаммер утверждал: Земля оказалась в плотном кольце колоний, которые спустя четыреста лет автономного существования не желают признавать прародину, отказываются принимать новых поселенцев из метрополии, и в таких условиях только короткая, победоносная война может открыть дорогу для второй волны галактической экспансии человечества.

Джон Хаммер умер. Война, то затухая, то разгораясь с новой силой, длилась уже без малого тридцать лет. Дорога в дальний космос давно была открыта, но туда некому стало улетать. Новые поколения, рожденные в условиях жестокого противостояния Земного Альянса и Свободных Колоний,

не могли погасить тот пожар, что вспыхнул до их появления на свет, а сам Табанов, уцелевший вопреки печальной статистике в сотнях кровопролитных боев, давно разучился лгать, равно как воспринимать ложь. Он утратил всяческие иллюзии, превратившись в жесткого, последовательного и логичного пятидесятилетнего адмирала.

– Сэр, мы приближаемся, – нарушил его мысли голос капитана крейсера. – Станция ответила на вызов, ее системы готовы к стыковке.

– Он не пытался вести переговоры или угрожать сопротивлением?

– Нет. Он вообще не выходил на связь. Со мной общался кибернетический мозг.

Табанов кивнул:

– Подготовьте десантный корабль, со взводом охраны. Передайте полковнику Штейнеру, чтобы он был готов к вылету через пять минут.

– Простите, сэр, но, на мой взгляд, взвода будет недостаточно...

– Оставьте, капитан, – отмахнулся от него Табанов. – Я знаю, что делаю и к кому лечу. Исполняйте приказ.

\* \* \*

С резким неприятным шипением сжатого воздуха сработал механизм шлюзового затвора, отпирая многотонные створы герметичного перехода.

На просторной предшлюзовой площадке стоял один человек. Он не был вооружен и вообще мало походил на военного. В стерильном белоснежном комбинезоне, не скрадывающем, а, наоборот, подчеркивающим сухопарость старческой фигуры, он мог показаться жалким, одиноким и беспомощным, если бы не глаза, такие же пронзительные, ясные, как и у Табанова.

Стоило поймать их взгляд, как морщинистое лицо, крючковатый нос и тяжелые кустистые брови переставали играть существенную роль в восприятии облика этого человека, — черты его лица могли хранить неизгладимый отпечаток старости, но они не отражали его внутренней сущности, не говорили ни о чем, кроме физических примет возраста.

...Первыми в проеме открывшегося люка появились двое десантников. Они тут же заняли посты по обе стороны выхода из шлюзовой камеры, внутри которой все еще вихрился пар. Эти впитавшие космический холод конструкции вступали в неизбежную реакцию с поданным изнутри станции воздухом, влага из которого оседала на стенах и уплотнителях толстым мохнатым, но недолговечным слоем инея.

Пол переходной камеры тоже покрылся тонкой коростой наледи, но Табанов, появившийся вслед за авангардом десантной группы, шагал, как обычно, уверенно и размашисто.

Преодолев порог шлюза, он сделал еще несколько шагов и остановился напротив старика, одетого в белоснежный комбинезон.

Сзади занимали позиции молчаливые, сосредоточенные бойцы десантного взвода. Последним из проема шлюзовой камеры вышел полковник Штейнер.

– Ну, здравствуй, Вячеслав Андреевич, – первым нарушил гробовое молчание Табанов.

Старик смотрел на него пристальным, немигающим взглядом, пока какое-то давнее воспоминание не шевельнулось в глубинах памяти, медленно выдавливаясь из бездн подсознания.

– Капитан Табанов?... – полуутвердительно произнес он, тут же осекшись взглядом на знаках различия нежданного визитера.

– Да, Вячеслав Андреевич. Был капитаном, когда встречались в последний раз. – Адмирал демонстративно сжал в кулак кисть правой руки, затянутую в тонкую черную ткань спецперчатки. Мало кто знал, что правая рука Табанова, начиная от локтевого сустава, представляет собой кибернетический протез. – Вспомнили, значит?

– Вспомнил. – Тон старика изменил ему лишь на миг. Дрогнул голос, но потом все стало прежним: молчаливый, холодный, испытующий взгляд, плотно сжатые, почти бескровные губы, хмурые седые брови...

Адмирал спокойно выдержал этот взгляд. Он не питал

враждебности к старику, который был в свое время ведущим хирургом центрального клинического госпиталя флота.

– Как же так... – адмирал обвел неопределенным жестом окружающее пространство. – Почему вы бросили практику в госпитале, Вячеслав Андреевич? Разве спасти жизни стало не по душе?

Старик вдруг криво и презрительно усмехнулся.

– Я хирург, а не компьютерный техник, – с внезапной резкостью в голосе ответил он. – Когда клинический госпиталь флота стал превращаться в мастерскую по ремонту боевой техники, я, естественно, ушел оттуда. – Он с досадой посмотрел на Табанова и добавил:

– Людей стало меньше, чем машин, разве это не очевидно, адмирал? Надеюсь, вы не забыли древнее предостережение?

– Какое? – перебил его Табанов.

Старик опять усмехнулся.

– «Либо Человечество покончит с войной, либо война покончит с Человечеством», – процитировал Волкошин и тут же добавил: – На мой взгляд, очевидно последнее...

– Именно поэтому я прилетел сюда, – ответил ему адмирал. – Как бы вы ни относились к сложившейся ситуации, но нам волей-неволей придется поговорить.

Разговор не клеился, и пока они шли по длинному, тускло освещенному коридору, ведущему в глубь станции, Табанов решил взять инициативу в свои руки.

– Чем вы занимаетесь сейчас, Вячеслав Андреевич? – спросил он, не обращая внимания на неприязненное выражение лица Волкошина.

– Пытаюсь спасти человечество, – лаконично ответил тот, понимая, что главнокомандующий силами Альянса не станет тратить свое время лишь для того, чтобы засвидетельствовать почтение престарелому военному хирургу, который лет двадцать назад выволок смертельно раненного капитана ВКС с того света, попутно имплантировав ему кибернетический протез взамен оторванной по локоть правой руки.

Табанов некоторое время шел молча, а потом проронил, так же скупно и откровенно:

– Мои задачи менее глобальны. Я пытаюсь спасти не человечество целиком, а Землю.

– Не понимаю, в чем сходятся наши интересы?

– В людях. Нас действительно стало в сотни раз меньше, чем машин. И это заботит меня, поверьте.

Волкошин внезапно остановился.

– Даже если это так, адмирал, то я, – он ткнул себя в грудь

указательным пальцем, — я не только не смогу вам помочь, но и не желаю этого делать!

— Почему? — спокойно осведомился Табанов.

— Потому что вы ведете войну на уничтожение, и я более не намерен принимать в ней участия.

— Решили умыть руки?

— Ничуть, — резко ответил Волкошин. — Но вытаскивать с того света солдат для того, чтобы через месяц вновь получить их, еще более изуродованными, чем прежде, я не желаю. Это издевательство над биологией и нравственностью!.. Гораздо честнее перепоручить войну кибернетическим машинам, что вы, к слову сказать, и делаете на протяжении последнего десятилетия!..

Разговор на резких тонах был прерван: Табанов и Волкошин подошли к мощной межсекционной переборке, проход в которой запирала многотонная овальная плита внешнего люка шлюзовой камеры.

— Куда вы меня ведете, Вячеслав Андреевич?

— В свой кабинет.

Табанов согласно кивнул, терпеливо дождавшись, пока хозяин странного орбитального сооружения подтвердит собственные полномочия доступа путем сравнительного анализа ДНК. Наконец, после минутной заминки, люк начал с шипением открываться.

Как успел заметить Табанов, техника на борту морально устарела, она принадлежала прошлым векам, периоду все-

планетного колониального бума, когда миллионы людей покинули Землю в поисках новой родины.

– Прошу... – сухо произнес Волкошин, указывая на открывшийся проход.

Помещение, куда они вошли, являлось не чем иным, как переоборудованной рубкой управления одного из колониальных транспортов.

Табанов скользнул взглядом по темным экранам телескопического обзора, погашенным терминалам навигационной и пилотажной систем, хмыкнул, а затем, воздержавшись от вопросов, сел в кресло, привинченное к полу подле рабочего стола Волкошина, на пластиковой столешнице которого громоздились кипы каких-то распечаток, исполненных на стандартных листах пластбумаги. Тут же подле стола высились стойки с различными программными кристаллодисками, рядом перемигивались огнями два контрольных терминала компьютерной системы. Их внешний вид ничего не сказал адмиралу о предназначении этих новаций. Ясно было одно: терминалы не принадлежат к стандартному оборудованию рубки колониального транспорта.

Усевшись за стол, Волкошин сцепил руки в замок и спросил, стараясь сохранять максимум самообладания:

– Теперь скажите, зачем вы явились сюда?

– Я прилетел, чтобы лично решить возникшую проблему. Решить тем или иным способом, – добавил адмирал, глядя в глаза пожилого хирурга, самовольно оставившего службу в

военно-космических силах Земного Альянса. Рука Табанова вытащила из-за отворота адмиральской формы импульсный пистолет системы «Стайгер». Положив его на край стола, среди бумаг, командующий вновь посмотрел в глаза Волкошина.

– Это один из способов решения проблемы? – спросил тот, покосившись на импульсный пистолет.

– Надеюсь, что мы сможем избежать его, – ответил адмирал. – Я не люблю развязывать зубами те узлы, которые еще поддаются языку.

– Я не понимаю...

– Все вы понимаете, Вячеслав Андреевич. Не нужно... Вы умный человек и только что сами обозначили проблему, которая волнует меня в равной степени, как и вас. Уберем на время наши взаимоуничтожающие мнения и попробуем договориться.

– О чем? – упрямо переспросил Волкошин.

– Земля опустела, – не обратив внимания на упрямство собеседника, произнес Табанов. – Вы правильно оценили статистику: сейчас на одного гражданина Альянса приходится более сотни машин, и львиная доля из их числа – это боевые кибернетические механизмы. Встроенные интеллектуальные компьютерные системы не учитывались при данном подсчете. Мы оперируем только теми единицами техники, которые имеют максимальную свободу, как программную, так и механическую.

– И что с того?

– Население катастрофически сокращается. Альянс начинает испытывать дефицит, но уже не только в квалифицированных кадрах, а в простых людях, – терпеливо пояснил Табанов.

– Естественно... – фыркнул Волкошин, не скрывая своей неприязни к затронутой теме. – Кибермеханизмы не умеют рожать. Последняя уникальная прерогатива, которую оставили себе люди, – это естественное продолжение рода.

– Ой ли? – прищурившись, спросил Табанов.

Волкошин побледнел. При всем самообладании его правая щека вдруг стала подергиваться.

– Вы сами довели ситуацию до степени катастрофы – вот и оказались в плену механистического абсурда! – глухо и резко произнес он.

Табанов начал терять терпение.

– Я был младшим лейтенантом, когда началась война с колониями! – неприязненно напомнил он, машинально сжав в кулак пальцы механической руки. – Вы забыли то время? Забыли про плотность населения в тысячу человек на один квадратный метр земной поверхности?..

– Где они сейчас, эти люди? – горестно перебил его Волкошин.

– Вы упрямец, Вячеслав Андреевич. Хотите ткнуть меня носом в факт их гибели? Не получится. Я не отрицаю, что именно Земной Альянс развязал войну, много, очень мно-

го людей погибло по вине власть предержащих, но давайте не будем тревожить призраков, – Джон Хаммер мертв, нет ни адмирала Нагумо, ни Надырова – никого, кто отвечал за бомбардировки Дабога и иных колоний, некому предъявлять счет, а большая часть населения Солнечной системы, к вашему сведению, выжила. Только двадцать процентов от общего числа погибли в сражениях, остальных война развеяла по огромным пространствам, и многие из бывших граждан Альянса сейчас воюют на стороне колоний.

– Это не статистика... – печально покачал головой Волкошин. – Война сожгла человечество, и на стороне колоний сейчас сражаются дети, которым по шестнадцать-восемнадцать лет. Не знаю, может, и существуют эти мифические миры, куда сумела скрыться от бойни часть здравомыслящих людей, но я их не знаю. Факты, господин Табанов, упрямая вещь, а они говорят, что обе стороны обескровлены до предела, и вследствие этого идет массовое воспроизводство боевых машин на фоне тотального падения рождаемости. Это факты. Еще пять, ну пусть десять лет подобного безумия – и человечеству придет конец. После нас останутся лишь кибермеханизмы.

– Вы знаете, как покончить с этим? – хмурясь, спросил Табанов.

– Прекратить войну, – не задумываясь, ответил Волкошин.

– Легко сказать. – Адмирал достал сигареты. – Можно?

– Курите... – махнул рукой Вячеслав Андреевич. Табанов закурил.

– Я не могу остановить войну, – спустя некоторое время произнес он. – Противостояние еще при жизни Джона Хаммера вышло из фазы локального, управляемого процесса. Сейчас в сердцах людей живет генетический страх, переданный в наследство из недалекого прошлого. В войну вовлечено до полусотни планет, как с одной, так и с другой стороны. – Табанов стряхнул пепел в пасть притаившегося у стены утилизатора отходов. – Земной Альянс оброс новыми союзниками, – продолжил он, – но и колонии окрепли, они развились технически и теперь ничуть не уступают в боевом потенциале силам Земли. Последняя схватка неизбежна, и только она поставит точку в войне.

– Вы все еще надеетесь на победу, безумцы? – сокрушенно покачал головой Волкошин.

– Нет. – Адмирал вскинул на него пронзительный взгляд. – Я не безумец. Точкой в войне станет поражение Земли, – внезапно произнес он, заставив старого доктора вздрогнуть от неожиданной информационной значимости произнесенной вслух фразы. – Это закономерный итог, но его еще предстоит пережить, – завершил свою мысль адмирал.

– Вы собираете силы для обороны Солнечной системы? – едва контролируя охватившую его дрожь, спросил Вячеслав Андреевич.

– Да. Все силы, какие есть, – ответил Табанов.

– Но тогда... – Волкошин растерялся на миг, отлично представляя, что основными силами, которыми на данный момент располагала Земля, было неисчислимое множество произведенных за последнее десятилетие боевых кибернетических машин, в корне отличающихся от людей прежде всего полным отсутствием каких-либо моральных ограничений... К тому же они обладали невероятной технологической живучестью, вкупе с безумной, превышающей все мыслимые потребности боевой мощью.

– Тогда это будет последней битвой для всего человечества, – глухо подытожил свои мысли Волкошин.

– Не знаю... – откровенно сознался Табанов. – Да, вы правы, ситуация доведена до абсурда. Мощь боевых кибернетических механизмов такова, что исход их столкновения в границах Солнечной системы непредсказуем. Битва за Землю может попросту уничтожить Человечество, оставив разрозненные очаги популяций на иных мирах. Я не могу остановить маховик войны, будь я трижды адмирал и десять раз командующий, но в моих силах предотвратить катастрофу.

– Каким образом? – недоверчиво спросил Волкошин.

– Я своим приказом могу вывести из состава флота до пятидесяти процентов кибернетических систем. Но я должен компенсировать их списание.

– Чем? – мгновенно насторожился Вячеслав Андреевич.

– Не чем, а кем, – поправил его Табанов. – Людьюми, – по-

яснил он. – Последний резерв должен состоять из людей. Если в битве за Землю с нашей стороны будут принимать участие машины, то, по прогнозам аналитиков, они уцелеют и победят. Но в том случае, если заменить их людьми, Земля неизбежно падет под ударом превосходящих сил флота Колоний и вместе с этим закончится война. Выживет часть защитников, и это уже будет благо.

В глазах Волкошина застыл ледяной ужас.

– Вы не просто безумец, адмирал, – глухо произнес он. – Вы маньяк...

– Нет, – покачал головой Табанов. – Вы в равной степени безумны, если среди царящего вокруг ада продолжаете верить в идеи гуманизма. Их нет. Новые поколения родились под гнетом войны, в сердцах людей живет страх, наполовину разбавленный ненавистью, война превратилась не в осмысленные действия, а в стихийное бедствие, в пожар, который полыхает вне зависимости от воли отдельных индивидов. Я смотрю в глаза реальности, и по большому счету мне все равно, кто прав, а кто виноват. На мне лежит бремя, которое я буду нести до конца. Это бремя – защита Земли. По последним разведанным, флот Свободных Колоний готовит решающий, сокрушительный, по их мнению, удар, который будет направлен в самое сердце Альянса, – по Земле, прародине Человечества. Это произойдет через год или два, но не позже. А теперь думайте, док, – в составе моего флота три миллиона кибернетических механизмов. Это боевые маши-

ны класса «Одиночка» – система установлена как на сервомеханизмах класса «шагающий», так и на космических истребителях. Колонии обладают неизмеримо меньшей технической мощностью, их главный потенциал – люди. Как вы справедливо заметили, молодые люди в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Если битва состоится при данном раскладе сил, то машины, оснащенные пакетом программ независимого поведения, сотрут в пыль флот Колоний, и тогда война выйдет в иную стадию, – люди отойдут на второй план, а машины подхватят инициативу, и пожар вспыхнет с новой силой.

Волкошин сидел бледный как полотно.

– Альтернатива? – спросил он.

– Альтернатива есть, – ответил Табанов. – Она кроется в нехитром подсчете, – каждый колониальный транспорт имеет потенциал для поддержания жизни трехсот тысяч человек, верно?

Вячеслав Андреевич был вынужден кивнуть.

– Значит, ваша станция, состыкованная из шести модулей, сейчас хранит один миллион восемьсот тысяч жизней, – продолжил свою беспощадную мысль адмирал. – Я могу деактивировать равное количество систем «Одиночка», установленных на боевых единицах флота, переподчинив находящиеся под их контролем исполнительные механизмы непосредственно людям, и тогда у колонистов появится шанс: их флот с огромными потерями пробьет защиту Земли... ну а

после падения прародины остальные миры, входящие в Альянс, будут вынуждены капитулировать. Война закончится.

– Вы предлагаете мне отдать в ваши руки почти два миллиона подростков, чтобы вы послали их на смерть?! – ужаснулся Волкошин.

– Да. Тогда людям будут противостоять люди, и в этой последней битве выживут они, а не машины. Если у меня не будет этого резерва, то в составе флота в бой пойдут три миллиона саморазвивающихся кибернетических систем. Вы знакомы с программным пакетом «Одиночка»?

– Да, – ответил Вячеслав Андреевич. – Это полная автономия, способность к самостоятельному принятию решений в рамках общей боевой задачи, ремонт, самоподдержание и...

– Общая боевая задача, – прервал его Табанов. – Вам известно, в чем ее суть?

– Нет, – сознался Волкошин, который всегда был далек от вопросов проектирования сложных самодостаточных кибернетических комплексов.

– Победить в войне! – резко произнес Табанов. – Не я программировал эти машины, они достались мне в наследство вкуче с самой войной, но я представляю, на что они способны. Посудите сами: им неведом страх, они не знают сомнений, их реакция молниеносна, а ресурс практически неистощим. Оказавшись в режиме полной автономии, они выиграют эту затянувшуюся войну... Они просто сотрут колонии и останутся лишь тогда, когда будет исчерпана программа.

Только людям уже будет все равно. – Голос адмирала впервые дрогнул, выдавая волнение. – Если кто и выживет после ответного удара автономных серв-соединений, то эти анклав-ы едва ли смогут повторить глобальный путь развития, который прошло Человечество.

– Скажите, адмирал, а просто уничтожить их... разве это невозможно? – с ноткой слабой надежды в голосе спросил Волкошин.

– Нет, – категорично ответил Табанов и пояснил: – Я не всемогущ. Поймите, Вячеслав Андреевич, – я заложник этого финала, который должен быть отыгран. Вдумайтесь – я готов сдать Землю ради прекращения войны, но если я попытаюсь сделать это без боя – меня просто сместят, расстреляют, и на мое место встанет другой командующий. Вот и все. Сражение за Землю неотвратимо.

Адмирал взглянул на Волкошина и вдруг увидел, как мелко трясутся побелевшие вытянутые в ниточку губы старика.

– Я не отдам вам их... – выдавил он.

Табанов покачал головой.

– Я предлагаю вам сделку. В противном случае я буду вынужден просто застрелить вас и взять станцию под свой контроль, – откровенно добавил адмирал.

На Волкошина было страшно смотреть.

– Вы чудовище, Табанов.

– Я знаю. Но я не хочу, чтобы кибернетический апокалипсис стал итогом развития человечества. И я не вижу иного

выхода, кроме уже изложенного мной.

На некоторое время в небольшом кабинете воцарилась гробовая тишина.

– Каковы условия сделки? – наконец хрипло выдавил Волкошин.

– Вы передаете мне эту станцию, а взамен я отдаю вам надежно скрытую, отлично защищенную планетарную базу в секторе неосвоенного космоса. Там вы создадите еще один, более многочисленный, чем тут, резерв Человечества, но уже с иной целью. Я отдам в ваши руки все коды управления, и в случае наихудшего исхода цивилизация сможет возродиться оттуда.

\* \* \*

...Они лежали в ледяной тиши криогенного сна, не имея прошлого и не ведая об уготованном им будущем.

Бледные застывшие лица, нагие тела, опутанные шлангами и датчиками систем жизнеобеспечения, покоящиеся под прозрачными колпаками низкотемпературных камер, на первый взгляд казались одинаковыми, но при более внимательном рассмотрении черты спящих выдавали свою индивидуальность, ясно говорившую о том, что они не являются клонами.

Адмирал Табанов и доктор Волкошин медленно шли по узкому проходу между саркофагами.

– Они все искусственно зачатые... – пояснял Вячеслав Андреевич, у которого слова с трудом выходили из горла.

– Где вы взяли столько генетического материала и оборудования? – спросил Табанов, останавливаясь на перекрестке гулкой решетчатой дорожки.

– Злоупотребил служебным положением, – пожал плечами, сознался Волкошин. – Я получил достаточное количество исходного материала из центрального банка генофонда Земли. А что касается оборудования, то тут я все делал сам. В наше время стало просто вершить подобные дела.

– В смысле? – не понял его последнюю фразу Табанов.

– Я говорю об оборудовании и машинах. Их легко купить по бросовой цене. Например, бытовые андроиды – они теперь никому не нужны, а для обслуживания и реконструкции старых колониальных транспортов подходят идеально. На первых порах мне помогали несколько человек, в основном компьютерные техники, но я не вводил их в курс дела. Думаю, что если они живы, то до сих пор не догадываются, с какой целью перепрограммировали кибернетические системы старых колониальных транспортов.

– Да, они живы, – подтвердил его мысль Табанов. – И действительно, не смогли вразумительно ответить, для чего были наняты.

Волкошин неприязненно покосился на адмирала, но от-

ступать уже было поздно, хотя душа старика рвалась на мелкие частицы от внутренней боли и напряжения, что он испытывал в эти минуты. Жестокая судьба приперла его к стенке, предлагая выбрать наименьшее из зол, а глядя на Табанова, несложно было понять, что тот не отступится.

– Насколько я понимаю, вы ничего не меняли в конструкции колониальных транспортов? – спросил адмирал, оглядываясь вокруг.

Зал, в котором они находились, был столь огромен, что не имел видимых границ. Решетчатые палубы нависали одна над другой, по мощным опорам, пронзающим горизонтальные уровни, тянулись толстые кабели питания и черные, изолированные от помех внешнего мира жгуты оптико-волоконных интерфейсов. Криогенные камеры выстраивались бесконечными рядами, подсвечивая огромное внутреннее пространство колониальной сферы приглушенным сиянием стерилизующего ультрафиолета; кое-где в голубоватом сумраке виднелись огни промежуточных терминалов. Более всего это напоминало исполинскую гробницу, где в ледяной тиши застыли триста тысяч непржитых жизнью.

– Объясните мне суть процесса, док. – Табанов повернулся к Волкошину. – Я знаю, что криогенная камера лишь замедляет процессы метаболизма, позволяя человеку провести определенный промежуток времени в глубоком сне, верно?

– Да. Стандартная аппаратура криогенного зала работа-

ет именно так. Мне пришлось несколько усовершенствовать ее, внедрив в каждую камеру зародышевый модуль. Это было нетрудно, учитывая, что в моем распоряжении находится более тысячи андроидов. Они идеальные, не знающие усталости и не задающиеся никакими вопросами помощники.

– Меня интересует сам процесс.

– Да, я понимаю... – Волкошин облокотился о выступ компьютерного терминала одной из криогенных камер. – Сначала происходило искусственное оплодотворение, первичный рост зародыша до семимесячного возраста, как в обычном биоинкубаторе, – пояснил он. – Затем, когда ребенок начинал самостоятельно дышать, эта аппаратура отключалась, и младенец до годовалого возраста рос внутри криогенного комплекса без активации низкотемпературных процессов. Когда им всем исполнился годик, я подключил искусственный сон при минимальном замедлении метаболизма. Их организмы росли, формировались до десятилетнего возраста, и только тогда я активировал встроенные в каждую камеру устройства нейросенсорного контакта, которые через височный имплант ребенка соединяли мозг каждого с глобальной компьютерной сетью шести колониальных транспортов. С этой поры они начали развиваться не только физически, но и умственно. Благодаря компьютерным технологиям информация легко усваивалась их разумами...

– Один бесконечный, затянувшийся на годы информационный сон?

– Да... – согласился с таким сравнением Волкошин. – Конструкция криогенных камер полностью удовлетворяет физические потребности тела, питая его, массируя и развивая мышцы, а виртуальная среда, в которую погружен их разум, формирует полноценные личности. Они живут, не осознавая того, что спят. Их души чисты, а разум несет прогрессивные знания. Не трогайте их... – внезапно взмолился Волкошин.

– Я уже обосновал вам причины, по которым прилетел сюда, – жестко оборвал его Табанов. – Не мы начали эту войну, но нам выпало бремя завершить ее... – тяжело добавил он, глядя в синеватую мглу огромного криогенного зала. – Я устал повторять вам, Вячеслав Андреевич, что выбора у меня нет. Видели моего адъютанта?

Волкошин кивнул. Полковник Штейнер произвел на него еще более неприятное впечатление, чем сам Табанов, в действиях которого, помимо неизбежной жестокости, все же присутствовала толика здравого смысла.

– Все мы отравлены войной, наши разумы и души, в отличие от них, – Табанов кивнул на криогенные ячейки с заключенными в них телами подростков, – черны, как ночь... Если Штейнер узнает, что на самом деле я замыслил нарочно проиграть эту затянувшуюся бойню, чтобы сохранить остатки Человечества и не допустить геноцида населения колоний силами кибернетических соединений Альянса, он первым наступит мне на горло.

– Вы сдержите свое обещание, адмирал? Будет ли у меня время для повторения эксперимента?

– У вас будет все. Планета, на которую вы отправитесь, лежит в секторе неосвоенного космоса. База надежно замаскирована и защищена. Я передам в ваши руки все полномочия для контроля над биологическим сектором, который по моему приказу укомплектован самым совершенным оборудованием. Более того, я не пошлю с вами ни одного человека, который мог бы вмешаться в процесс роста новых поколений, как это сделал я. Документы относительно дислокации планеты будут уничтожены. Такие условия приемлемы?

– Да... – мрачно ответил Волкошин. – Если я когда-нибудь смогу позабыть, что послал на смерть два миллиона своих детей, – едва слышно добавил он.

Табанов устало посмотрел на ученого, потом перевел взгляд на заряженные в обойму информационные кристаллодиски, с которых в разум подростков закачивалась информация.

Курс общей истории Человечества...

Кибернетические системы современности.

Духовность и нравственность. История религий.

Основы этики.

Дисков было множество...

– Они не погибнут. По крайней мере не все. Завтра сюда придут военные техники и заменят носители информации. За год, что я твердо имею в запасе, эти подростки станут на-

стоящими профи, а если судьба дарует мне пару лет на подготовку, то из криогенных камер восстанут бойцы с серьезным опытом. У каждого из них будет шанс выжить, обещаю.

Волкошин кивнул. Его сердце по-прежнему разрывалось от боли, но разум, вольно или невольно, воспринял жесткую логику Табанова, и пожилой хирург сумел взглянуть на этого человека иными глазами.

В прошлом он имел возможность наблюдать «в деле» серв-машины, которыми управляла программа независимого поведения. После произведенных ими «зачисток» в живых оставались лишь редкие представители растительного мира. Все, что двигалось, а тем паче оказывало сопротивление, попросту уничтожалось. Сейчас, по утверждению адмирала, три миллиона подобных кибернетических исчадий составляли основу обороны Солнечной системы, и эта цифра, вкупе с незабываемыми впечатлениями прошлых лет, низводила Волкошина до того состояния, когда он начал понимать Табанова.

Он поднял взгляд и посмотрел на командующего Земным флотом.

Как разительно может измениться отношение к человеку, когда начинаешь осознавать, что за жестокостью его действий лежит нечто более глобальное, чем зло в чистом виде.

Адмирал действительно рисковал всем – своим положением, жизнью, и это происходило оттого, что Табанов, размышляя над тем, как защитить Землю, сумел осознать: боль-

шинство порожденных войной кибернетических технологий уже перешагнули роковую черту, за которой катастрофически нарушался баланс сил, и исход любого сражения был заранее предreshен.

Он собирался защищать Землю и намеренно проиграть войну, спасая противника от уничтожающего ответного удара кибернетических систем.

Бремени этого человека сложно было позавидовать, его душу невозможно было правильно оценить, и в этой ситуации Волкошин не смог бы ответить, что такое жестокость, а что – милосердие, где проходит эта зыбкая незримая граница между добром и злом, оправданным риском и бесчеловечной жестокостью.

– Как называется эта планета? – глухо спросил он.

Табанов, погружившийся в свои мысли, невольно вздрогнул, оборачиваясь к Волкошину.

– Омикрон. Она обращается вокруг двенадцатой звезды в одноименном скоплении.

Омикрон-12...

Это звучало зловеще и обнадеживающе одновременно...

# Часть 1.

## Последний Резерв

### Глава 1.

#### Семен

*Солнечная система. Два года спустя. Борт крейсера «Интерпрайз»...*

В центральном салоне крейсера было тихо, несмотря на присутствие в помещении двух десятков молодых людей, каждый из которых был занят в этот момент своим собственным делом. Кто-то читал, некоторые, застыв у обзорных экранов, смотрели в бездонную чернь космоса, где среди россыпей звезд и близких контуров старых орбитальных конструкций плыл ущербный полумесяц Земли, иные просто сидели в креслах, расположенных по периметру округлого помещения, глубоко задумавшись о чем-то своем, сокровенном.

Если смотреть со стороны, наблюдая за действиями, мимикой, позами каждого из присутствующих, то у внимательного наблюдателя быстро сложилось бы стойкое ощущение некой натянутости, ненатуральности, будто собравшие-

ся в салоне молодые люди страдали одним и тем же глубинным расстройством психики. Они неадекватно воспринимали окружающий мир, выказывая не свойственное их возрасту равнодушие, как друг к другу, так и ко всему окружающему в целом.

Семен Шевцов в этом смысле ничем не отличался от остальных. Он сидел в глубоком кресле подле информационного экрана, по поверхности которого медленно ползли столбцы сообщений из раздела последних новостей, но его взгляд рассеянно скользил поверх плоского монитора, останавливаясь то на каком-либо предмете обстановки, то на ком-то из сослуживцев. И это внимание нельзя было назвать заинтересованностью.

Им всем не хватало главного: ощущения жизни, но никто из молодых людей не задумывался над этим обстоятельством. Неделю назад покинув криогенные камеры, они все еще грезили тем миром оцифрованной вселенной, в котором прошли годы их детства и юности, воспринимая окружающую их реальность, мягко говоря, неадекватно.

Взгляд Семена obeжал периметр зала и остановился на девушке, что сидела в кресле по правую руку от него и что-то писала на обыкновенном листе пластбумаги. Она игнорировала расположенный у каждого кресла терминал мини-компьютера и не воспользовалась лазерным стилем, что тоже могло показаться довольно странным.

Впрочем, Шевцова это нисколько не трогало. Единствен-

ной причиной того, что его взгляд задержался на девушке, было чувство, глухое и неопределенное, похожее на фальшивую ноту, внезапно прозвучавшую в безукоризненном исполнении музыкального произведения. Неискушенный слушатель, подобный Семену, не мог с тонкостью композитора отделить диссонанс от иных правильных звуков, но что-то шевельнулось в потаенных глубинах его сознания. Возможно, в эту секунду он впервые ощутил мир в иной его ипостаси: в душе юноши возникло первое, неподконтрольное разуму ощущение...

Моральная кома. Вот как правильно будет назвать состояние собравшихся в зале молодых людей.

Их тела и разум еще хранили могильный холод криогенного взросления, а четкий недвусмысленный мир цифровой вселенной властвовал над разумом, заставляя оценивать события с равнодушием и холодностью машины, но это восприятие медленно давало трещину. Сами не замечая того, они начинали чувствовать: их разумом руководили теперь не данные, закачиваемые через височный имплант, а биохимические реакции организма, на основе которых строится нормальное человеческое мышление и возникают влияющие на рассудок чувства.

Каждый из них по-своему, медленно и незаметно оттаивал от вселенского холода, но это еще нельзя было назвать жизнью, скорее – ее робким пробуждением.

*Борт флагмана Земного флота крейсера «Интерпрайз». Уровень командных палуб. То же время...*

Совещание длилось уже более часа.

«Интерпрайз» являлся самым большим кораблем флота, призванного защитить Землю от внезапного удара со стороны военных сил Свободных Колоний, и поэтому внутренние помещения корабля не носили столь ярко выраженного на других судах признака утилитарной функциональности. Здесь, помимо боевых палуб, имелись и иные, более комфортные отсеки, позволяющие нормально жить и работать на борту двум тысячам офицеров, составляющих оперативный штаб флота.

Экстренное совещание возглавлял адмирал Табанов, но в эти минуты докладчиком был не он, а генерал Штейнер, получивший новое назначение и соответствующее должности звание более года назад.

– Данные внешней разведки показывают, что основные силы флота Колоний сосредотачиваются сейчас на орбитах Дабога и Кассии, – говорил он, одновременно очерчивая огоньком лазерной указки упомянутые системы. – Из этого

следует сделать надлежащий вывод: атака с их стороны неизбежна и начнется в течение ближайших трех-четырех суток.

– На чем основана такая категоричность? – осведомился Табанов.

– На анализе силовых линий гиперсферы, – ответил Штейнер. – Известно, что от гравитационного узла, образованного массами вещества Солнечной системы, в аномалию космоса отходит шестьдесят три линии напряжения, связывающие нашу систему с иными звездами и их планетами, но только две из них подходят для экономного, энергетически выгодного прыжка. – Он отчеркнул световой указкой две линии гиперсферы, связывающие Землю с системами Дабога и Кассии. – Именно тут концентрируется вражеский флот, и простой подсчет вероятностей указывает, что эти силы будут в ближайшие дни брошены на прорыв оборонительных порядков Земли.

– Есть какие-либо данные по вероятным точкам их «всплытия»? – спросил Табанов, имея в виду те области пространства, где вражеский флот намерен осуществить обратный переход из гиперсферы в трехмерный континуум материальной Вселенной.

– Точной информации нет, господин адмирал, но подсчет неприятельских единиц, а их более двухсот, показывает, что единой точки всплытия у них не будет. Именно поэтому они избрали энергосберегающие линии гиперсферы – большинство кораблей флота Колоний будет вынуждено со-

вершать обратный переход в нестандартных точках, расходуя при этом дополнительный энергоресурс.

– Выразайтесь конкретнее, – потребовал адмирал.

Штейнер на секунду задумался, а затем переключил изображение демонстрационного экрана на крупный схематичный план Солнечной системы.

– Предполагаю, что они пойдут двумя волнами, одновременно всплывая вот тут и тут. – Световая указка очертила две обширные зоны пространства, первую между орбитой Марса и поясом астероидов, а вторую непосредственно между Марсом и Землей.

Табанов хмуро посмотрел на схему.

Да, в таком маневре был заложен глубокий тактический смысл: расходуя дополнительную энергию, вражеские корабли экономили свой боевой ресурс. Им не нужно будет прорывать линии обороны, расположенные в поясе астероидов и на орбите Юпитера, – две армады выйдут в нормальную для человека метрику пространства уже внутри той зоны, откуда Земля и Марс будут досягаемы для малых космических судов, таких, как орбитальные штурмовики и космические истребители.

– Логично... – хмуро подытожил командующий свои мысли. – Мы не можем установить в этих зонах пространственные минные поля, так как тут базируется наш собственный флот, и получается, что противник таким маневром вклинится в наши боевые порядки, не понеся при этом предва-

рительных потерь...

– Именно так, господин адмирал. Думаю, у нас есть еще сутки, чтобы отвести основные силы флота на иной рубеж.

– И тем самым оставить Марс на произвол судьбы? Сколько выдержит его планетарная оборона при массовой атаке малых кораблей?

– Мы потеряем Марс, согласен, но сохраним основные силы флота и получим возможность действовать дистанционно, укрепляя планетарную оборону Земли и пользуясь ее поддержкой.

После этих слов генерала Штейнера в зале совещаний воцарилась гробовая тишина. Старшие офицеры флота слушали, не высказывая личное мнение, но Табанов не одобрял такое молчание.

– Господа, – он встал со своего места, обернувшись к залу, – я хочу услышать, что думают по этому поводу капитаны кораблей.

Через несколько минут стало ясно, что старшие офицеры флота поддерживают идею передислокации на высокие земные орбиты, и Табанов, подумав, согласился.

– Хорошо, – выслушав их выступления, подытожил он. – Совещание окончено, господа. Предлагаю всем вернуться на свои боевые посты. Данные новой дислокации будут переданы каждому из вас по мере их обработки навигационным отделом штаба.

Когда зал совещаний опустел, в нем остались только Табанов и Штейнер.

– Что-то еще, генерал? – осведомился командующий, видя, что начальник внешней разведки флота не спешит последовать примеру других офицеров.

– Один вопрос, Денис Алексеевич.

– Да?

Отто Штейнер подошел к командующему, наедине с которым он мог позволить себе отбросить некоторые формальности, и спросил, облокотившись о выступ компьютерного терминала.

– Две недели назад вами был отдан приказ, фактически нейтрализовавший шестьдесят процентов автономных кибернетических комплексов, – произнес он. – Вы передали управление малыми космическими кораблями и серв-машинами наземного базирования в руки молодых людей, едва очнувшихся после сомнительного криогенного роста. Чем обоснована такая подмена?

Табанов, видимо, ждал подобного вопроса, но, несмотря на готовый ответ, заговорил не сразу.

– Это обдуманый шаг, – наконец произнес он. – Два года назад, когда ты в качестве моего адъютанта побывал на стан-

ции, где росли эти парни и девушки, в их боевых качествах можно было усомниться, но за прошедшее время они получили полный курс виртуальной боевой подготовки, и каждый из них не уступает по своим навыкам самым опытным пилотам-ветеранам.

– Это я понимаю, – ответил Штейнер. – Они отличные бойцы, по крайней мере так принято считать. Я даже знаю более этого: еще как минимум две недели их разум будет пребывать в тенетах виртуальной вселенной и грядущие бои они пройдут, если так можно выразиться, «на автопилоте», не страшась смерти и не совсем адекватно воспринимая реальность. Но мне непонятно другое – зачем? Зачем их разбудили, когда пакет программ «Одиночка», установленный на том же космическом истребителе, делает машину более эффективной в бою?

– Дело в том, Отто, что два года назад ты не был главой разведки и не владел той информацией, которую имею я, – спокойно ответил Табанов. – Колонисты, планируя атаку на Землю, хорошо подготовились, они осведомлены о составе нашего флота и его комплектации. Они знают, что такое «Одиночка», и загодя готовились к столкновению именно с эрзац-пилотами. Последние испытания, проведенные три года назад, показали, что направленные электромагнитные импульсы определенной частоты могут стать эффективным оружием против кибернетических систем. Я не уверен, что колонисты не дошли до этого своим умом, так же как до-

шли мы. Что будет, если в составе их флота окажутся специальные корабли, генерирующие сильное поле помех, которое внесет сбои в работу компьютерных систем?

– Это доказано? У них есть подобные разработки? – спросил Штейнер.

– Не знаю, – ответил Табанов, не покрывив при этом душой. – Но проиграть сражение за Землю из-за глобального сбоя компьютерных комплексов я не намерен. Теперь, когда на сцену вновь вышли люди, это уравновесит шансы, пятьдесят на пятьдесят. Моя логика понятна?

– Не совсем, – нахмурился Отто. – Надежность «Одиночки» проверена годами войны, а вот эти ребята из так называемого «последнего резерва» не кажутся мне достойной заменой киберпилотам. Здесь, на мой взгляд, пахнет чем-то ненормальным, вроде преступной халатности или прямой диверсии. – Он вскинул вопросительный взгляд на командующего флотом.

– Будешь обсуждать приказы, Штейнер? – приподнял бровь Табанов, которого неприятно поразила пронизательность бывшего адъютанта. – Или попытаешься прямо обвинить меня в измене?

– Нет. Не сейчас, – покачал головой начальник разведуправления. – Но я запомнил этот факт, адмирал.

Табанов хотел ответить ему резко, так, чтобы осадить слишком пронизательного генерала, но концовка их диалога оказалась совершенно неожиданной.

По всему крейсеру внезапно завывли сигналы тревоги.

Оба, командующий флотом и начальник внешней разведки, одновременно повернули головы, уставившись на тактический монитор, который, словно по мановению какой-то силы вдруг прямо на глазах начал покрываться рябью засечек от энергетических всплесков, обозначающих возмущение метрики, какое обычно возникает при гиперпространственном переходе космического корабля в трехмерный континуум.

– Фрайг! – сорвалось с побелевших губ Штейнера древнее проклятье. – Они начали атаку на три дня раньше!.. Рябь, покрывающая огромный участок пространства между поясом астероидов и орбитой Земли, через несколько минут должна была материализоваться в конкретные сигналы, исходящие от двухсот с лишним космических кораблей.

Это был флот Свободных Колоний, который шел в атаку на прародину Человечества.

Готовая сорваться фраза застыла на губах адмирала Табано.

Наступал судный день, который должен был предрешить дальнейшую судьбу, но не только Земли или Альянса в целом, а всего обитаемого космоса.

Он сделал все, чтобы предотвратить глобальную трагедию, и теперь развитие ситуации уже не было подконтрольно ни адмиралу, ни тем более генералу Штейнеру, который фактически угадал если не мотив, то последствия недавне-

го приказа Табанова, который вывел из строя больше половины кибернетических систем с программами независимого поведения.

Оправдать или обвинить адмирала теперь могли только историки спустя годы после сегодняшнего события.

В том случае, если будет кому заниматься историей... – Такой была последняя мысль адмирала Табанова, прежде чем он поднялся на мостик флагманского крейсера «Интерпрайз», чтобы возглавить оборону Земли.

\* \* \*

Резкие сигналы, зазвучавшие на всех палубах огромного крейсера, ворвались и в тот салон, где в ожидании приказа собрались новоиспеченные пилоты первой бортовой эскадрильи.

Услышав звук ревунов общекорабельной тревоги, Семен не вскочил со своего кресла, он лишь повернул голову, взглянув на табло бортового хроно.

Два часа пятнадцать минут...

Что-то шевельнулось в его душе, будто подсознание отметило эти цифры, не ради рапорта, который неизбежно заставляли писать командира звена после каждого вылета, а по иной причине...

Шевцов не знал, что с этих роковых секунд начнется его настоящее стремительное взросление.

– Первое звено – к стартовым катапультам! – вставая, произнес он. – Получить экипировку и строиться.

Девушка, на которую он смотрел за секунду до этого, отложила исписанный крупным неуверенным почерком листок и, забыв о нем, направилась к выходу.

Семен задержался в опустевшем салоне. Звук ревунов не раздражал и не тревожил его. Он подошел к низкому столику, расположенному между креслами, и хотел взглянуть на белый прямоугольник пластбумажного листа, но в эту минуту в салон вбежал командир эскадрильи, и Шевцов, не глядя на текст, сложив лист вчетверо, сунул его в нагрудный карман униформы.

– Ты почему здесь?! – раздался гневный окрик. – Живо к машинам, нас атакуют!

\* \* \*

Все происходило именно так, как обрисовал командирам кораблей генерал Штейнер. Ударные силы флота Колоний выходили в трехмерный космос на обширном участке пространства между поясом астероидов и орбитой Земли. Призрачные вспышки гиперпространственных переходов были

отчетливо видны невооруженным глазом, они сверкали в чернильной бездне как впереди, так и за кормой «Интерпрайза», из чего становилось ясно, что на этот раз силы колоний в корне сломали привычные представления о тактике космического боя, — они намеренно сеяли хаос, заранее зная, что окажутся среди боевых порядков Альянса.

Учитывая плотность обороны на ближних подступах к Земле и присутствие в Солнечной системе шестого флота Альянса, такая тактика являлась единственно верной.

Семен Шевцов ощутил первые признаки начавшегося сражения, еще находясь на полпути к внутреннему космодрому.

«Интерпрайз» внезапно содрогнулся от носа до кормы, словно титанический корабль сотрясла судорога.

Сигналы тревоги продолжали выводить свою монотонную трель, но теперь к ним добавились иные угрожающие свидетельства происходящих событий. Свет в радиальном коридоре внезапно мигнул и погас, но спустя секунду под потолком зажглись тускло-красные плафоны аварийного освещения.

Где-то с гулкой вибрацией опускались аварийные переборки, крупная механическая дрожь продолжала гулять по палубам корабля, резкие боковые толчки, которые сбивали с ног бегущих по коридорам людей, ясно свидетельствовали о декомпрессии части отсеков правого борта...

...Адмирал Табанов находился в этот момент на мостике

«Интерпрайза».

Ситуация складывалась – хуже некуда. Корабли противника пробивали метрику пространства уже в состоянии полной боевой готовности, и за каждым всплеском призрачного сияния, выпускавшего в трехмерный космос очередной корабль, следовал немедленный залп всех орудийно-лазерных комплексов главного калибра.

Воцарившийся в космосе хаос еще нельзя было обозначить термином «разгром», но ситуация склонялась именно к такому исходу. Отсек связи тщетно вызывал координаторов из состава подразделений флота – все частоты были забиты плотными помехами...

В такой ситуации оставалось одно: драться. Каждому кораблю следовало самостоятельно избрать цель из множества возникающих вокруг маркеров и контратаковать, но Табанов даже мысленно не мог предположить, сколько капитанов добрались до своих судов, ведь с момента завершения совещания прошло не более пятнадцати минут...

В этом хаосе голова шла кругом. Даже ему, адмиралу флота, далеко не новичку, было чрезвычайно трудно реагировать немедленно и адекватно на ежесекундно возникающие угрозы.

Очередная вспышка гиперперехода оказалась столь близка, что ее бледный свет озарил броню «Интерпрайза», и тотчас же, всего в двух тысячах километров от флагмана, материализовался корабль противника.

Находящийся ниже мостика зал главного поста управления тут же отреагировал разноголосицей докладов и команд... которые безнадежно опаздывали.

– Вспышка гиперперехода!.. Две тысячи километров по правому траверзу!

– Наблюдаю крейсер, класс средний, предположительно «Неустршимый»!

– Всем орудиям правого борта – беглый огонь по цели!

– Электромагнитные катапульты заряжены на пятьдесят процентов. Семь минут до выхода на стартовую мощность!

На корпусе «Интерпрайза» пришли в движение бронеплиты обшивки, открывая исполинские зевы, откуда подающие суппорта начали выдвигать в космос покатые башни оружейных комплексов. Шахты стартовых катапульт все еще были закрыты, а адмирал уже слышал новые доклады:

– Идентификация завершена. Это «Неустршимый».

– Наблюдаю по вспышкам: старт истребителей. До сорока единиц.

– Внимание! Находимся под атакой, зафиксирован ракетный залп. Цель – «Интерпрайз». Сорок секунд до разделения боевых частей!

– Всем зенитным орудиям: Беглый заградительный огонь! – Корпус «Интерпрайза» мелко завибрировал, – это зачастили вакуумные орудия, посылая в космос десятки тысяч снарядов, вслед им вспыхнула и погасла сетка лазерных лучей темно-вишневого цвета, а «Неустршимый», разрядив

стартовые катапульты левого борта, начал медленно разворачиваться, чтобы ответный огонь «Интерпрайза» пришелся на усиленный скат лобовой брони.

– Есть разделение боеголовок. Шестьдесят процентов атакующих кассет уничтожено!

В следующий миг множественные удары попаданий сотрясли исполинский корабль.

Табанову пришлось схватиться за ограждение мостика, чтобы устоять на ногах.

– Декомпрессия в четырех отсеках правого борта! – Секунду спустя пришел доклад оператора. – Пораженные отсеки изолированы. Продолжается накачка стартовых катапульт, девяносто процентов экипажей заняли места по боевому расписанию!

«Интерпрайз», выдвинув в боевое положение орудийно-ракетные и лазерные комплексы, начал поворачивать, отработывая двигателями ориентации. В его броне зияло несколько чудовищных дыр, подле которых вихрились выбросы декомпрессии.

– Истребителям прикрытия – старт по готовности! Расчетам орудийных башен – сосредоточить огонь на малых кораблях противника!

Табанов посмотрел на тактический монитор.

Гиперпространственные переходы завершились, и теперь, наконец, командующий мог увидеть более или менее систематизированную картину происходящего.

Все космическое пространство, доступное сенсорам «Интерпрайза», сейчас пестрело красными и зелеными маркерами, которые постоянно перемещались, стремясь занять выгодную для атаки либо обороны позицию. Это был бой без правил, без построения, где все решали секунды и личные качества старших офицеров отдельных кораблей.

Фактор внезапности еще не отыграл своей роковой роли, но большинство кораблей флота уцелело, и теперь зеленые маркеры медленно отходили по направлению к высоким орбитам Земли, чтобы создать пространственный щит на подступах к планете. Алые засечки на тактическом мониторе, обозначающие вражеские корабли, также не стояли на месте. Не группируясь, без образования какого-либо строя, они двигались вслед отступающим крейсерам Альянса, продолжая вести плотный огонь по наиболее крупным целям.

Только сейчас до Табанова начал доходить истинный смысл содеянного им.

Одно дело предполагать, а иное – созерцать собственными глазами плоды совершенных накануне боя радикальных перемен.

Если бы корабли флота по-прежнему оставались под командованием кибернетических систем, ситуация на тактическом мониторе оказалась бы совершенно иной.

– Центральный пост, выделить канал полной телеметрии с бортовых сенсоров «Вулкана»! – отдал он приказ, делая шаг назад, от ограждения мостика к собственному противопере-

грузочному креслу.

– Есть, сэр!

Тускло вспыхнули пять мониторов, отражая прямую трансляцию данных с борта автоматического крейсера «Вулкан».

На этом корабле в данный момент не находилось ни одного человека, крейсер функционировал в режиме полной автономии, управляемый кибернетическим мозгом, с базовой программой «Одиночка», модифицированной для корабля большого тоннажа.

Короткий озноб пробежал по спине адмирала.

«Вулкан» не отступал к Земле. Он и еще несколько полностью автоматизированных кораблей двигались в прямо противоположном направлении, навстречу атакующим.

Огромный клиновидный крейсер длиной в три километра медленно вращался вокруг центральной оси симметрии. Выдвинутые за пределы обшивки орудийные башни комплексов «Прайд» изрыгали огонь, словно корабль действительно извергался, полностью оправдывая свое название.

Управляющий им кибернетический мозг был пленником машинной логики, которой неведом инстинкт самосохранения, – среди хаоса парящих вокруг корабля обломков трудно было распознать их бывшую принадлежность, но промелькнувшая в зоне разрешающей способности носовых видеокамер корма изуродованного малого крейсера колонистов ясно свидетельствовала, что атака «Вулкана» развивается успеш-

но. На борту электронно-механического микромира некому было ошибаться, нервничать, либо пасовать, – «Вулкан» шел в атаку на превосходящие силы противника, филигранно маневрируя под огнем, при этом его кибернетический мозг удерживал до четырехсот целей одновременно, а лазерные и вакуумные орудия крейсера работали без остановки...

Табанов переключился на обзор повреждений.

В броне крейсера зияли дыры, от части выдвижных оружийных башен остались лишь обломки суппортов, датчики свидетельствовали о том, что минуту назад кибермозг корабля произвел полную декомпрессию всех отсеков, чтобы попадания вражеских ракет не сбивали автоматику с избранного курса.

В таком состоянии корабль с экипажем из людей уже не мог бы сражаться, но автоматический крейсер продолжал атаку, ибо ему было все равно – жить или умереть, а функция программ исчерпывалась лишь после уничтожения последней способной сражаться огневой точки либо полной победы над врагом.

От мысли, что еще пару недель назад девяносто процентов флота было укомплектовано кораблями такого типа, Табанову стало не по себе – даже призрак близкой смерти, настойчиво стучавшийся в сознание, на время отступил, не тревожа разума.

Глядя на атакующий «Вулкан», Табанов в очередной раз подумал, что где-то на пути научно-технического прогресса

люди, сами того не заметив, переступили грань дозволенного...

– Стартовые катапульты заряжены. Инициирован обратный отсчет! Всем орудиям прекратить заградительный огонь в бортовых полусферах!..

Теперь в дело вступали они – подростки, из последнего резерва.

Табанов, вцепившись в подлокотники кресла, ждал момента старта, от которого содрогнулся не только «Интерпрайз», но и его давно очерствевшая, израненная душа...

Сейчас, отследив атаку «Вулкана», он готов был поверить, что на свете все же существует оправданная жестокость.

Храни вас бог... – подумал он, когда стартовые катапульты выстрелили в космос пять десятков космических истребителей.

\* \* \*

Заняв кресло пилот-ложемента в кабине «Фантома», Семен Шевцов внезапно оказался наедине с самим собой.

Обзорные экраны рубки управления показывали длинный ствол стартовой шахты, вдоль которого с равными интервалами пробежали трепещущие цепочки алых огней, свидетельствующих, что механизм запуска еще не готов.

Он не стал опускать дымчатое забрало гермошлема, пока что в этом не было нужды, лишь машинально подключил оптико-волоконный кабель интерфейса в соответствующий ему разъем пульта управления, соединив тем самым свой разум с кибернетической системой истребителя.

– Доброе утро, пилот.

Бестелесный голос впелся в мысли – это электронный мозг «Фантома» приветствовал подключившегося к нему человека.

Процедура была обычной, Шевцов сотни раз испытывал подобный контакт и не придал особого значения прозвучавшей в его сознании фразе.

Разум Семена еще не научился отделять новую реальность от процессов, происходивших с ним до пробуждения, и потому все сливалось воедино, без болезненного сбоя, без ощущения разрыва с одной вселенной и вхождения в другую.

Для осознания этого нужны чувства, а они все еще дремали под хрупкой наледью безэмоционального прошлого.

Что-то должно было разрушить, сломать этот лед.

Смутное беспокойство, едва уловимая неуверенность не могли совершить глобального переворота в сознании. Для этого нужно было что-то большее...

Томительно текли секунды ожидания команды, разрешающей старт. Монотонно вспыхивали и гасли цепочки кроваво-красных огней, и в эти минуты Шевцов вдруг вспомнил о сложенном вчетверо листке, который он положил в карман

униформы. Интересно, что она писала? – подумал он. Перед его внутренним взором возник образ девушки, склонившейся над низким столиком.

Это было легко узнать. Машинально расстегнув нагрудный клапан боевого скафандра, ровно настолько, чтобы можно было просунуть руку, он на ощупь коснулся кармана униформы.

Достав плотный пластбумажный прямоугольник, Шевцов вновь тщательно загерметизировал скафандр, машинально включил тестовую проверку экипировки и только после этого развернул сложенный вчетверо лист.

Строки, написанные крупным, по-детски неуверенным почерком, оказались тремя незавершенными четверостишиями.

Семен несколько раз перечитал их, пока смысл написанного медленно пробивался сквозь слои его рационального сознания, постепенно находя логический отклик и вдруг...

Чиста, как снег, твоя душа...

Сон повзрослевшего младенца,

Проистекает не спеша,

В такт криогенным ритмам сердца...

Лишь резкий ультрафиолет,

Змеится по чертам застывшим...

Взрослеет разум средь тенет,

Несущих байты псевдожизни...

Но белый снег твоей души,  
Вне оцифрованной вселенной...  
Растает...

Дальше строки обрывались. Ощущая смятение, Семен еще раз перечитал их, вспоминая лицо девушки и тот миг, когда резкий сигнал тревоги заставил ее руку остановиться, замереть, так и не отдав бумаге часть рождающихся в голове мыслей.

Стихи...

Это было далеким, потускневшим воспоминанием, таким же, как музыка или история...

Что-то случилось с ними, ведь когда-то не было этой ледяной вселенной, практический смысл которой заключен в борьбе с непонятым, смутно обозначенным противником. Его разум чутко прислушался к себе, и дисциплинированная память тут же подтвердила: да, было иное взросление, но воспоминания о нем вытравлены постоянными, непрекращающимися тренировками последних лет, боевыми вылетами, разборками полетов, изучением всех мыслимых видов вооружений и боевых кибернетических систем.

Семен сидел, чувствуя холод в груди и непонятную пустоту в том месте, где нормальный человек обычно испытывает ощущение, которое принято обозначать словами «душевная боль»...

Он не мог вспомнить, когда закончились стихи и началась война, поселившаяся в разуме неожиданно, но прочно отодвинувшая на задний план все, что не соотносилось с холодной логикой выживания и победы...

Байты псевдожизни...

О чем она писала? О каком криогенном сне?

Вопросы, заданные самому себе, не нашли ответа ни в душе, ни в разуме. Он не мог поверить тому, что не жил, а спал, ведь все прошлое воспринималось вполне естественно, обоснованно: сначала детство, потом юность, затем...

Шевцов волевым усилием заставил работать саботирующую память и добился неожиданного результата: он вспомнил момент перехода, когда пришло жесткое взрывообразное взросление, вернее трансформация? Этот полувопросительный термин внезапно подсказало собственное подсознание.

Имя... Ее имя? Он должен его знать.

В его мысли внезапно вторгся ровный машинный голос, который он неосознанно воспринимал как женский:

– Система допинг-контроля докладывает о дисфункции процесса обмена веществ. Тебе страшно?

Шевцов не удивился голосу, он помнил, что соединен с кибернетической системой «Фантома», и понимал, что причиной ее беспокойства стали датчики скафандра, контактирующие с телом, – они передали бортовому компьютеру данные о внезапном нарушении состава крови.

Алые огни продолжали скользить вдоль шахты пускового ствола.

– Как мне тебя называть? – обратился Семен к своей электронной напарнице.

– Рабочее название: «Клименс». Бортовая система «Клименс-15», модификация программного пакета «ALONE»<sup>1</sup>  
Нужна еще техническая информация, пилот?

– Нет. – Шевцов заметил, что алые огни сменились на желтые, и опустил дымчатое забрало гермошлема. – Ты псевдоинтеллект, насколько я понимаю?

– Да.

– Тогда будем знакомы еще раз. Не называй меня «пилот».  
Мое имя Семен.

– Принято.

Некоторое время Шевцов сосредоточенно молчал, потом вызвал в памяти образ девушки и спросил:

– Ты видишь ее? Можешь идентифицировать?

– Сканирую. Кейтлин... – наступила короткая пауза.

– Ну? Почему только имя?

– Плохо различима личная карточка, прикрепленная на груди. В твоём воспоминании она сидит вполоборота.

Семен напрягся, вызывая иную вспышку памяти. Он постарался воспроизвести тот момент, когда зазвучали сигналы тревоги и девушка, не закончив писать, встала с кресла, забыв на столе лист пластбумаги.

---

<sup>1</sup> ALONE – «В одиночестве» (англ.).

– Теперь вижу. Кейтлин Вилан, третье звено первой эскадрильи.

– Соедини меня с ней.

– Исполняю.

Огни в стартовом стволе начали менять свой цвет на бледно-зеленый. До момента запуска оставалось менее минуты.

На экране связи появился фрагмент рубки другого «Фантома». Лица пилота, сидящего в кресле пилот-ложемента, не было видно за полупрозрачным компьютеризированным забралом боевого шлема.

– Кейтлин?

– Да? – отозвалась она, не проявив при этом никаких эмоций. – Кто вызывает?

– Семен Шевцов.

– Я слушаю.

– Ты писала стихи, когда мы сидели в салоне перед началом тревоги, – произнес Семен. Он не мог и не умел стесняться, и потому вопрос вышел деловым, сжатым, по существу, как привыкло формулировать сознание любую мысль.

– Да, – подтвердила она.

– Откуда у тебя информация о том, что мы спали? Почему ты писала о криогенном взрослении и цифровой вселенной?

Голова в гермошлеме чуть повернулась, и теперь сквозь дымчатое забрало стали смутно видны черты ее лица.

– Меня разбудили раньше других, – спокойно пояснила она. – Я видела все своими глазами. Мы спали. Я и еще

несколько человек помогали в пробуждении остальных.

– Значит, все наше прошлое ненатурально?

– Я не могу ничего утверждать. Я видела огромные залы, сплошь заполненные рядами анабиозных камер, и помогала поднимать из криогенного сна тысячи моих ровесников. – Ее голос внезапно дрогнул на следующей фразе: – А стихи... Они возникли в голове сами собой. Я не знаю почему.

Девушка говорила откровенно, не пытаясь что-либо скрыть, по той причине, что все они не умели лгать, не видели смысла отрицать очевидное или утаивать информацию. Взрослые дети. Это определение лучше всего подходило к каждому из них, но вряд ли такая самооценка могла быть произведена кем-то из юных пилотов, особенно в эти роковые минуты перед стартом.

В рубках двух «Фантомов» синхронно прозвучал один и тот же сигнал.

Связь оборвалась автоматически, и, взглянув на обзорные экраны, Семен увидел, как в конце стартового ствола открылась лепестковая диафрагма люка; через образовавшееся отверстие в космос выметнуло мутное облачко остаточной атмосферы, которое тут же рассеялось, оставив после себя чернь пространства да одинокую немигающую звезду, которая виднелась сквозь открытый тоннель электромагнитной катапульты.

– Приготовиться к ускорению! – пришла команда по внешней связи.

Затылок Шевцова коснулся подголовника.

В следующий миг его «Фантом» начал разгон по наклонному каналу стартового ствола электромагнитной катапульти.

Семен успел заметить, как по бокам промелькнули надстройки базового крейсера «Интерпрайз», и его истребитель, словно пуля, выпущенная из ствола, вращаясь, устремился навстречу яркой россыпи немигающих звезд.

\* \* \*

Секунду спустя картина окружающего разительно изменилась.

Шевцов еще переживал дискомфортные ощущения старта, а Клименс уже стабилизировала «Фантом», устранив полученный при разгоне вращательный момент, и истребитель начал описывать плавную дугу, ложась на обратный курс.

Целевой монитор покрылся разноцветной россыпью засечек, все активные сенсорные системы работали на пределе своей разрешающей способности, передавая бортовому компьютеру нескончаемый поток данных, оцифровывающих тот хаос, что царил в районе медленного дрейфа поврежденного крейсера «Интерпрайз».

Руки Семена расслабленно держали астронавигационные

рули, под пальцами, затянутыми в тонкий гермопластик, ощущались выпуклые бугорки сенсорных гашеток.

Он был абсолютно спокоен.

Вселенная уже не раз распахивалась навстречу его разуму хаотичным коловращением разрозненных масс. Бой в космосе являлся для его вышколенного рассудка чем-то вроде сложной шахматной партии, которую всегда можно просчитать, неважно, насколько сложна первоначальная диспозиция фигур, – все они так или иначе подчинялись законам физики, а значит, их предсказуемость являлась лишь вопросом времени и зависела в основном от тактовой частоты, с которой бортовой компьютер «Фантома» обрабатывал полученные данные.

Гораздо позже, бросая взгляд назад, он начал понимать, что в первые минуты боя его разум воспринимал окружающую реальность с таким же рациональным равнодушием, как видела ее Клименс.

Бортовая система закончила маневр разворота, и теперь «Фантом» мчался к темной уступчатой глыбе «Интерпрайза», возвращаясь к базовому кораблю на скорости в двадцать километров в секунду.

Семен сосредоточенно смотрел на дисплей вариатора целей, мысленно отдавая приказы своей электронной напарнице.

Его задача была проста: оградить базовый корабль от атак штурмовиков противника, не ввязываясь в бой с более круп-

ными кораблями, поэтому, разобравшись в хаосе сигналов, он безошибочно выделил среди множества маркеров плотную группу из девяти «Гепардов», которые под прикрытием выпустившего их крейсера пытались незамеченными подойти к изрядно потрепанному флагману Земного флота.

Титанический корабль, который медленно сближался с «Интерпрайзом», следуя встречным курсом, был идентифицирован как «Неустрасимый».

– Клименс, расчет курса атаки. Цель – эскадрилья штурмовиков «Гепард».

– Принято.

На дисплее курсографа вспыхнула зеленая нить. Она вела прямо к «Неустрасимому», затем огибала крейсер полупетлей и резко поворачивала, заводя «Фантом» в корму избранной группы штурмовиков.

Взглянув на проложенный курс, Семен одобрительно кивнул и разрешил автоматике принять его к исполнению.

Логика маневра была проста: траектория движения «Фантома» огибала «Неустрасимый» в том районе, где его боевые надстройки были превращены в уродливые обломки ответным огнем «Интерпрайза». Конечно, оставался риск встретить функциональные орудийные башни по ту сторону вражеского корабля, но здесь вступали в силу тактико-технические данные самого «Фантома», который не зря получил свое название. Его броня, покрытая сплавом «хамелеон», поглощала девяносто процентов радарного излучения,

что вкупе со скоростными качествами делало эту модель истребителя практически неуязвимой на коротких дистанциях. Он проносился мимо стационарных оружейных башен, словно призрак, не предоставляя их компьютерам ни единого шанса поймать себя в качестве цели, а уж тем более произвести залп.

Техника, которая конструировалась и отшлифовывалась в процессе реальных боевых действий, практически достигла совершенства в своей узкой специализации.

На поверку выходило так, что самым слабым звеном в техногенном аду ближнего космического боя стал человек. Психика пилотов зачастую не выдерживала прессинга бушующего вокруг столкновения, а физические возможности организма накладывали существенные ограничения на скоростные качества и маневренность машин. Резкие перегрузки, возникающие при сменах курса или маневрах, связанных с ускорением маршевой тяги, никак не влияли на несущие конструкции истребителя, но человек, как правило, не выдерживал их пиковых значений.

Этот разрыв, установившийся между запасом прочности машины и возможностями живого организма, усугублялся по мере того, как совершенствовалась боевая техника, и в конечном итоге к финалу Галактической войны человеческий фактор начал отходить на второй план.

Как справедливо заметил Волкошин, рождаемость резко падала, а количество невосполнимых потерь росло, отчего

пустели перенаселенные миры, а искусственный интеллект боевых машин получал все больше и больше полномочий, что незаметно подвело Земной Альянс к той опасной черте, за которой война грозила перейти в иную стадию.

Семен не знал, что был призван проиграть эту войну.

Его разум еще не впитал всей дикости реального положения вещей, и первый не виртуальный вылет никак не ассоциировался в его сознании с последней, глобальной битвой.

Он видел серо-голубой серп Земли, маячивший на левом траверзе атакующего «Фантома», но в данный миг для Шевцова это был просто еще один небесный объект, ориентир, относительно которого мог быть построен какой-либо курс, но не более того...

Последняя недописанная строка, рожденная в сознании Кейтлин, не находила отклика в душе Шевцова. Он все еще пребывал там, оперируя понятиями оцифрованного фантомного мира, по сути – грезя наяву...

Бортовой хронограф «Фантома» отсчитывал сейчас последние секунды заблуждений, после чего явь войдет в разум Семена, однажды и навсегда...

\* \* \*

– Клименс, мы под атакой!

Забывшись, Семен произнес эту фразу вслух, но бортовая киберсистема с одинаковой скоростью воспринимала как мнемонические приказы, так и обыкновенный голосовой ряд.

Звено «Ягуаров» появилось в радиусе сенсоров кормовой полусферы как раз в тот момент, когда «Фантом» Шевцова заканчивал огибать изуродованный участок вражеского крейсера.

Корабль резко накренился – это Клименс отработала двигателями коррекции, заставив «Фантом» вращаться вокруг своей оси, и тотчас с мелкой вибрирующей дрожью заработало кормовое вакуумное орудие.

Головной истребитель противника внезапно окутался беззвучным взрывом декомпрессии. Его броня, прошитая кумулятивными снарядами, потеряла герметичность, и давление заключенного внутри машины воздуха начало ломать отдельные бронеплиты, расширяя дыры от попаданий.

Два ведомых резко отвернули в стороны, сойдя с прямого курса атаки, – теперь им стало не до одинокого «Фантома», – стремясь избежать столкновения с обломками ведущего, «Ягуары» мгновенно канули в пучине разрозненных сигналов, которые окружали вражеский корабль.

Семен скосил глаза на панель приборов.

До «Интерпрайза» пять тысяч километров, а три звена «Гепардов» уже изготовились к ракетному залпу. Их строй распался, теперь каждый из штурмовиков противника был

волен избирать свою цель, благо флагман земного флота являлся отличной крупной мишенью.

Где же остальные «Фантомы»?.. – мелькнула в сознании Шевцова вопросительная мысль.

Он не видел их на своих радарх, обе полусферы были сплошь покрыты алыми маркерами противника да нейтрально-желтыми сигналами обломков. На их фоне выделялись несколько зеленых засечек, обозначающих крупные корабли флота, отступающие к серо-голубому серпу планеты Земля.

Клименс, захват целей!.. – мысленно приказал Семен.

Секунду спустя на дымчатом забрале гермошлема вспыхнули четыре красных огонька.

– Есть захват, – доложил ровный голос.

Семен выждал еще мгновение, для верности, и сжал сенсоры запуска ракет.

Ощутимый толчок оповестил о том, что пусковые стволы «Фантома» разрядились.

Где-то в недрах истребителя тонко заныл эскалатор автоматической перезарядки, подавая новый ракетный боекомплект к пусковым шахтам.

– Клименс, огонь на поражение! Самостоятельный выбор и захват целей.

– Принято.

Разум Шевцова работал в эти мгновения в темпе боя, но, невзирая на привычное напряжение мысли, он успел с удивлением заметить, что на трезвую оценку окружающей обста-

новки накладываются еще сотни мелких, не испытанных ранее ощущений.

Происходящее с ним никак не походило на отрешенную от всяких посторонних влияний чистую, мысленную виртуальную схватку.

Острота восприятия возникла и исчезла – это походило на мгновенную вспышку, которая озарила рассудок и ушла, оставив после себя лишь дрожь в кончиках пальцев.

Это не виртуалка. В его жизнь вторглось нечто иное, но пока Семен подобно остальным сверстникам находился в спокойной обстановке на палубах огромного корабля, разница практически не воспринималась сознанием – только стрессовый прессинг боя мог вывести его из тенет иллюзий.

Мысли не желали спрессовываться в мгновения, словно он внезапно разучился жить миллисекундами, а действительность лишь подтверждала разительную, растущую на глазах пропасть между холодным расчетом виртуальных схваток и этими дикими, не укладывающимися в рамки сознания ощущениями физического тела, мозга, который безнадежно опаздывал, не в силах разорваться на две половины...

Шоковое состояние нарастало, Семен силился вырваться из ритма реального времени, но не мог.

Штурмовики противника уходили из-под ракетного удара, он уже не успевал достать их вторым прицельным залпом. Это были минуты полного перерождения. Болезненная

реконструкция психики по всем канонам должна была сломить его волю и разум, на какое-то время исключив «Фантом» из боя, но Шевцов сумел пережить шоковые мгновения, не позволив своему рассудку заикнуться на внезапных и болезненных открытиях.

Злость. Она вспыхнула глубоко внутри, и сначала резкий сбой реакций обмена веществ походил на глубокий, но кратковременный провал, будто чернота, рванувшись из непознанных недр сознания, на миг затопила его разум, а затем отхлынула, как волна...

Гулко и неровно билось сердце. Глухой ток крови бился в висках, резонируя, словно реальный звук, во рту появился кисловатый привкус, пальцы по-прежнему дрожали, но эти ощущения неуправляемости, немощи, запаздывания мысли вдруг потонули в чем-то новом, гораздо более сильном...

Тело Шевцова трясло, словно система терморегуляции скафандра дала сбой и его внезапно объял холод.

Чернота космоса сливалась с окутавшей сознание тьмой, и он, инстинктивно сопротивляясь, вдруг вырвался из этого глобального сбоя, отчетливо осознав, что еще несколько секунд промедления, и его истребитель потонет в пучине неуправляемого боя, станет легкой, доступной мишенью для любого врага, который потрудится обратить внимание на одинокий «Фантом», внезапно сошедший с курса атаки...

Нет... Пусть все ощущения и реакции оказались ему внове, но в подсознании Семена были прочно заложены рефлекс-

сы, переданные ему на генетическом уровне, и наследные реакции, выработанные миллионолетней эволюцией, внезапно совместились с этими условными рефлексами, глубоко въевшимися в рассудок.

Он мог управлять истребителем, а внутри росло, ширилось желание жить, понимать происходящее вокруг, инстинкт самосохранения рождает не страх, а внезапную ярость, которая выжигала ненужные мысли, возвращая разум к конкретике выживания.

Пальцы по-прежнему предательски дрожали, но он уже понимал, что и зачем делает. Удивительно, но рассудок Шевцова сумел пережить болезненную ломку иллюзорных стереотипов, и это перерождение длилось меньше минуты...

Глухие удары пульса стали замедляться, пальцы сквозь тонкий гермопластик вновь ощутили астронавигационные рули ручного управления, картина окружающего космоса, секунду назад казавшаяся черной бездной, медленно обретала прежнюю осмысленность.

Он должен драться, чтобы уцелеть, только тогда у него появится ничтожный, призрачный шанс остановить бешеный хаос мыслей и понять, что с ним случилось, почему он вдруг ожил и куда подевалась та ледяная вселенная, в которой он рос?..

Клименс?

Да, Семен?

Мы должны выжить. Эта мысль разрасталась в его созна-

нии, затмевая в данный момент все остальные желания и чувства.

Задача принята. Прошу передать мне управление ракетными комплексами.

Выжить – значит убить?

Эта дилемма еще не приняла характер глобального вопроса, но уже появилась в сознании Шевцова, скользнув червячком сомнения, который пока что был слишком слаб, чтобы на равных бороться с мобилизованными инстинктами.

Изуродованный борт «Интерпрайза» угрожающе рос на лобовых экранах обзора, и Шевцов более не колебался. Передав управление ракетными комплексами бортовому компьютеру, он переключился на атаку ближайших целей, активировав для этой цели вакуумные орудия «Фантома».

Истребитель, следовавший слепым курсом, снова включился в бой.

Остановив вращение машины, Шевцов повернул голову, зная, что автоматические орудия сейчас синхронизированы с его взглядом.

Визуальный контакт...

Увеличение цели...

Захват...

Взгляд Семена впился в укрупненное изображение «Гепарда», запутавшегося в перекрестье пульсирующих зеленых нитей, и пальцы машинально сжали сенсорные гашетки.

Четыре зримые тугие снарядные трассы потянулись к

штурмовику.

Вакуумные орудия работают практически бесшумно, в основе их конструкции лежит обыкновенный компрессор высокого давления, который разгоняет снаряды посредством сжатого воздуха. Чтобы истребитель не получал обратных импульсов реактивной тяги в момент отделения снарядов от среза стволов, они снабжены специальными компенсирующими соплами, по которым отработанный газ истекает импульсивными толчками, компенсируя тягу выстрелов, поэтому Семен ощутил лишь дрожь в переборках, сопровождаемую отдаленным глубинным звуком работающих эскалаторов ленточной перезарядки...

...»Гепард» все еще находился под оптическим увеличением, когда четыре снарядные трассы полоснули по его броне, взламывая обшивку вражеской машины. Разум Шевцова по-прежнему не поспевал за стремительностью событий: он лишь на мгновение задержал свой взгляд на пораженной цели, но этого оказалось достаточно, чтобы он смог разглядеть подробности содеянного им.

Ранее он никогда не наблюдал подобных картин.

С первых секунд боя его неосознанно тревожили возникающие тут и там белесые декомпрессионные взрывы, но напряженная ритмика космических скоростей не оставляла времени на осмысление визуальной информации.

И вот теперь он увидел, что стоит за каждым облаком мгновенно кристаллизующегося в вакууме газа.

Он отчетливо видел, как среди обломков брони распа­дающегося на части штурмовика мелькнуло беспорядочно вращающееся человеческое тело, облаченное в незнакомую для глаза гермоэкипировку. Оно летело, словно кукла, среди вихрящихся кристаллов замерзшего воздуха, пока урод­ливый обломок бронеплиты не пересекся с ним, порвав ска­фандр и расчленив раскинувшую руки фигуру.

Облако алых замерзающих брызг мгновенно окутало ме­сто столкновения, а рваный кусок обшивки полетел даль­ше...

Семен инстинктивно выключил оптику, словно отпрянул от места события, одновременно задавая себе страшный ри­торический вопрос:

Что это было?!

– Ты наблюдал смерть вражеского пилота, – ровно про­звучал в коммуникаторе голос Клименс. – Бортовой ракет­ный комплект израсходован, – тут же сухо доложила она, – восемь целей из девяти уничтожены.

Семен оцепенело смотрел на экран, где массы облом­ков разлетались в разные стороны, обтекая его истребитель, словно густой метеоритный рой.

Его шоковое сопереживание чужой смерти длилось недолго, всего несколько секунд, но для спящей души это был первый и, наверное, роковой переворот...

Разум Шевцова был достаточно логичен и трезв, чтобы понять: за каждым вторым статичным сигналом кроется не

уничтоженный компьютер, не конструкция из металла и пластика, а эти алые брызги крови, навек законсервированные ледяным дыханием серебристо-черной бездны.

Из ступора его вырвал голос Клименс:

– Опасный курс.

Семен вскинул взгляд и понял, что его «Фантом», опережая обломки атакованных им штурмовиков, несется на уступчатую глыбу «Интерпрайза».

– Связь с базовым кораблем.

В коммуникаторе зашипела помехами несущая частота, затем Семен услышал прерывистый голос, повторяющий одну и ту же фразу:

– Всем кораблям прикрытия, мы не можем задействовать посадочные вакуум-створы. Зона внутреннего космодрома разрушена. Отходить. Приказываю отходить к низким орбитам Земли!..

– Что это значит, Клименс?! – Шевцов ощущал, что теряет всякий контроль над событиями.

– Базовый корабль получил критические повреждения. «Интерпрайз» фактически уничтожен. Нам приказано отступать.

– Это я понял и без тебя! – Голос Семена внезапно сорвался на хриплый крик. – Что происходит вокруг?!

– Война, – ответил ему ровный голос. – Тридцать секунд до столкновения с «Интерпрайзом». Я прошу передать управление автопилоту.

Шевцов с трудом разжал пальцы рук, которые от напряжения свело судорогой на пористых рукоятках астронавигационных рулей.

Автопилот, перехватив управление, моментально начал маневр, уводя «Фантом» прочь от приближающейся темной глыбы изувеченного космического корабля.

Клименс ввела истребитель в петлю.

Мертвую петлю для внезапно очнувшейся души Семена Шевцова.

\* \* \*

В районе низких орбит Земли царил полнейший хаос.

На удалении от планеты продолжал полыхать бой, распавшийся на отдельные очаги сопротивления, которые создавали отступившие к планете крейсера флота, а тут, в десяти тысячах километров от земной тверди, беспорядочно перемещались сотни, если не тысячи малых космических аппаратов, утративших централизованное командование.

Вспышки внезапных столкновений возникали на экранах обзора, они казались окончательным штрихом к картине всеобщего апокалипсиса, заставляя компьютерную систему рывками менять вектор тяги, а разум пилота все глубже погружаться в пучину царящего вокруг хаоса, имя которому – глобальное поражение.

– Расчет, Клименс. Мне нужен расчет безопасного курса.

– Конечная цель?

– Не знаю. – Семен впервые произнес это емкое словосочетание, – он действительно не знал, куда следует прокладывать курс, где кроется шанс на спасение, и вообще возможно ли оно?

– Расчет вероятностей, – очнувшись, поправился он.

Ответ кибернетической системы не заставил себя ждать.

На тактическом мониторе погасло большинство сигналов – это Клименс отсеяла царящий вокруг хаос, и Шевцов увидел зеленую курсовую нить, которая полого уводила в пучины земной атмосферы.

– Курс рассчитан на основе посадочного луча. Источник не опознан. Предположительно – космодром резерва в районе центрального мегагорода. Предупреждаю: вражеские штурмовые модули уже вошли в границы низких орбит.

– Что это значит?

– Они атакуют Землю. Идет глобальная высадка десанта. – Принимай курс к исполнению.

Произнеся эту фразу, Шевцов бессильно откинулся на мягкую спинку кресла.

Он смертельно устал. Ощущение тоже было новым, непознанным и неприятным. Он не спал уже около суток, нервное напряжение истощило его психику, разум с трудом балансировал на грани, но Семен не мог с уверенностью ответить, между какими пропастями сейчас удерживает равновесие его рассудок.

Оказавшись в эпицентре масштабных событий, он не понимал их истинной сути, не мог правильно оценить себя, как крохотную песчинку, которую подхватил вихрь последнего столкновения длившейся более трех десятилетий войны.

В одном он отдавал себе полный отчет: нет никого, кто был бы заинтересован в его судьбе, в сохранении жизни пилота чудом уцелевшего «Фантома». Эфир не мог помочь в получении каких-либо указаний, он нес либо гробовую тишину на частотах разрушенного базового корабля, либо хаос в тех диапазонах связи, где поддерживали взаимный контакт уцелевшие боевые единицы флота.

Семен был предоставлен самому себе, но он откровенно не понимал, что делать с этой внезапной, непрошеной свободой?

Пока он пытался размышлять над создавшимся положением, Клименс отработала двигателями торможения, и одинокий истребитель начал плавно снижаться, входя по правильной траектории в атмосферу Земли.

\* \* \*

Истребитель снижался над плотной пеленой свинцово-серой облачности, в которой, помимо влаги, ее образующей, абсорбировалось огромное количество мельчайших частиц,

исторгаемых в атмосферу вследствие человеческой деятельности.

Облачно-смоговое покрывало казалось непроницаемым, слои клубящихся атмосферных фронтов находились в постоянном движении. Они парили на разных высотах, образуя причудливые каскады и наслоения. Изредка над ними появлялись смутные, укутанные дымкой очертания пирамидальных вершин городов-мегаполисов, высотные уровни которых попирали облака, пронзая их и поднимаясь выше, словно являлись не стеклобетонными творениями архитекторов, а новой исполинской формой жизни, прорывающейся к свету сквозь плотное отравленное покрывало, укутавшее Землю много веков назад.

Шевцов воспринимал эти картины с усталым равнодушием. Пока автопилот вел машину по тонкой указующей нити посадочного луча, у него было достаточно времени, чтобы подумать над сложившейся ситуацией и задать самому себе вопрос: что творится вокруг? Кто и с кем воюет и ради чего он оказался втянутым в этот конфликт помимо собственного желания?

– Клименс... – негромко произнес он.

– Да? – тут же отозвался голос, который Шевцов по-прежнему воспринимал как женский.

– Ты можешь объяснить мне суть происходящего?

– Нет.

– Почему?

– Я система. Боевая система твоей машины. Мне недоступны данные, которых ты требуешь.

– А что тебе доступно в таком случае?

– Сейчас или в общем? – уточнил голос.

– Сейчас.

– Я сканирую горизонт в радиусе трехсот километров, управляю действиями автопилотов и состою в контакте с твоим разумом.

– Ты читаешь мои мысли?

– Да. Это называется нейросенсорным контактом. Все, о чем ты думаешь, оцифровывается, переводится на язык машинных кодов и передается мне для обработки.

– Зачем?

– Это необходимо для боя. Находясь под управлением человека, я руководствуюсь мыслями, возникающими в разуме пилота. Ты можешь не осознавать их, но твой мозг реагирует на ситуацию с той же скоростью, что и мои процессоры.

– Мне кажется наоборот. Я ощущаю заторможенность реакций.

– Это субъективно. Чаще всего пилот принимает решение гораздо раньше, чем осознает его. Я лишь вылавливаю командные импульсы из общего потока данных и сообразуюсь с ними.

– Значит, ты не можешь мне ничего объяснить... Жаль.

– Могу, – внезапно ответила Клименс.

Семен вздрогнул:

– Ты же только что утверждала обратное.

– Я никогда не лгу и не противоречу логике. В твоём рас-  
судке не один вопрос, их тысячи, и на некоторые я знаю от-  
вет.

– Например?

– Ты рожден не для войны. Твое предназначение – жизнь.

– Откуда ты знаешь?

– Я делаю такой вывод на основе информации, которую  
содержит твой мозг. Ты должен был проснуться уже после  
войны. Все, кто сейчас участвует в битве, были зачаты и вос-  
питывались для того, чтобы жизнь не оборвалась, чтобы уце-  
лели знания, традиции, чистый генофонд.

– Значит, кто-то опасался, что люди полностью истребят  
друг друга?

– Да.

– Но почему, в таком случае, я оказался тут, в кабине ис-  
требителя?

– Не знаю. Могу лишь предположить: кто-то изменил про-  
грамму, решив перепрофилировать вас, и это случилось око-  
ло двух лет назад.

Новая информация, которая полностью подтверждала  
смутные, едва осознанные сомнения, подействовала на Се-  
мена угнетающим образом.

– Значит, для меня нет ни друзей, ни врагов? – спустя  
некоторое время сформулировал он собственный вывод. – Я  
убивал тех, кто не причинил мне никакого зла?

– Если мыслить объективно, ты прав.

– Клименс, я не хочу принимать дальнейшее участие в этой бойне. Дезактивируй все боевые системы.

– Ты погибнешь.

– Это приказ. Исполни.

– Принято.

\* \* \*

Он не мог выйти из игры.

Это понимала Клименс, но не Шевцов. Его очнувшийся разум мыслил категориями добра и зла. Он опять совершал ошибку, не замечая полутонов, не осознавая того, что мир намного сложнее и не может быть поделен на черное и белое, доброе и злое. Для того чтобы выжить, ему следовало убивать, драться: вокруг полыхал финальный акт вселенского безумия под названием ВОЙНА, а внезапным пацифистам был уготован лишь один путь...

...Это произошло сразу, как только «Фантом», снижаясь по наводящему лучу, пробил плотное покрывало смога и облачности.

Семен оцепенел, глядя на экраны внешнего обзора.

Он видел ЗЕМЛЮ.

Исполинские города высились повсюду. Они вздыма-

лись к хмурым небесам уступчатыми, пирамидальными конструкциями, словно редкая, порванная горная цепь, протянувшаяся от горизонта до горизонта... Но и между отдельными мегаполисами не было ни одного квадратного метра чистой земли, – все обозримое пространство покрывали сложнейшие инфраструктуры, которые век за веком наслаивались друг на друга, образуя немыслимый техногенный панцирь, в структуре которого глаз уже с трудом различал отдельные элементы...

Дороги, трубопроводы, воздухозаборники, системы откачки отходов и подачи воды – все это казалось металлопластиковой коростой, покрывающей землю. Многослойные коммуникации то уходили вглубь, уступая место промышленным комплексам, то появлялись вновь, извиваясь меж сложными развязками транспортных артерий... Лишь изредка среди металла и пластика попадались округлые, тускло отсвечивающие поверхности водной глади, забранной в берега из серого бетона... И все это жило, дышало, двигалось, теряясь в зыбком тумане испарений...

Картина была потрясающей.

Небеса нависали так низко, что прослойка между свинцовыми тучами и покрывающими землю коммуникациями казалась узкой, тесной даже для одиноко летящего истребителя.

Семен подумал об этом в тот момент, когда его «Фантом» огибал разросшуюся до непомерных размеров уступчатую

громаду мегагорода.

Здесь он впервые увидел зелень, и именно тут Шевцова поджидала Судьба, которую спокойно предрекла ему Клименс.

Несколько куполов из прочного стекла вздымались над плоскими крышами зданий. Под их защитой, тревожа взгляд, ясно просматривались высаженные стройными рядами растения. Семен лишь на миг залюбовался их чарующей красотой, которая казалась острой, режущей на фоне унылых урбанистических пейзажей, когда из-за противоположного края исполинского города показались идущие на посадку десантно-штурмовые модули флота Свободных Колоний.

Шевцов ясно запомнил миг разительной перемены, когда вдруг прямо на его глазах часть сегментированных куполов пришла в движение, и из-под прикрытия зелени по снижающимся машинам ударили зенитные орудия.

Он резко перевел взгляд и увидел, как один из модулей вдруг накренился, теряя ориентацию, задел за выступ здания, обваливая ударом его этажи, и среди белесого облака раскрошенного бетона вдруг полыхнула нестерпимая для глаза оранжевая вспышка, в которой потонул спускаемый аппарат...

Следующим шоковым визуальным впечатлением стали сверкающие брызги разлетающегося стекла, кустистые султаны разрывов, которые кромсали тонкий слой искусственной почвы, смешивая воедино фрагменты конструкций, вы-

рванные с корнем дерева и горящий, пузырящийся материал обнажившейся крыши...

Эту картину сменила другая: автопилот вдруг резко изменил курс, хмурое небо и закованная в панцирь коммуникаций земля внезапно поменялись местами, и на этом фоне Шевцов ощутил, как гулкие, дробящие металл удары сотрясли его истребитель.

Дальше был короткий, болезненный, навек отпечатавшийся в памяти спуск в ад...

Техногенная оболочка Земли вдруг рванулась навстречу, застывая своим видом весь сектор обзора, и горящий «Фантом», ломая трубопроводы, рухнул вниз.

Вслед объятый огнем машине полыхнуло еще несколько залпов, потом десантно-штурмовые модули, уцелевшие под внезапным ударом зенитных батарей, пронеслись над местом падения истребителя и ушли своим курсом.

\* \* \*

Ни взрыва, ни чадного костра на месте падения не возникло. Падая, «Фантом» протаранил трубопроводы подачи воды, и теперь на изуродованную машину, застрявшую между опорами автомагистрали, сверху низвергался каскад драгоценной жидкости, некогда покрывавшей огромные про-

странства земной поверхности.

Внутри истребителя деформированные от удара переборки напозлали одна на другую, демонстрируя свежие изломы металла, остро пахло сгоревшей проводкой и перегретым кремнием, в некоторых местах из-за отслоившихся панелей облицовки били фонтаны искр...

Пилот-ложемент почти не пострадал в этих разрушениях, но вся сложная противоперегрузочная система сейчас заняла несвойственное ей вертикальное положение, а обессточенные приводы ложемента уже не были в состоянии изменить отрицательный угол наклона защищающей человека конструкции.

Шевцов повис на страховочных ремнях, его гермошлем был разбит, лицо забрызгано кровью, скафандр порван...

Тонко, неумно выли сигналы, оповещающие о критических повреждениях, но он не слышал их.

Доклады от покалеченных, испускающих дух систем истребителя воспринимала лишь Клименс.

Ее связь с пилотом прервалась: один из снарядов, навывлет прошивший рубку, оборвал глянцевитый кабель нейросенсорного контакта, который теперь торчал из расколотого гермошлема Шевцова бессильным, разлохмаченным огрызком искрящегося на свету оптиковолокна.

Низвергавшийся сверху поток воды иссяк, постепенно превратившись в тонкую струйку, которая гулко разбивалась об обугленную обшивку истребителя, разлетаясь звонкими

каплями.

Клименс, утратившая связь с большинством периферийных устройств, была бессильна что-либо изменить. Собственно, в ее программные функции не входило поддержание гибнущих систем корабля при критическом уровне повреждений. Бортовой компьютер «Фантома» при всей своей сложности и наличии самоорганизующих элементов не мог существовать самостоятельно, отдельно от машины.

Вид человеческого тела, безвольно обвисшего на страховочных ремнях, который транслировала единственная уцелевшая видеокамера внутреннего мониторинга кабины, также не должен был побудить кибернетическую систему к каким-либо действиям, но тут внезапно возник явный программный сбой: все внимание системы сосредоточилось на человеке.

Сутки назад, вступая в нейросенсорный контакт с кибернетической системой истребителя, Семен не знал, что он не первый пилот, подключившийся к данной виртуальной оболочке.

Ему лишь показалось странным, что он воспринимает голос машины как женский, но тогда, за несколько минут до старта, разум Шевцова занимали иные проблемы, и он не придал истинного значения данному факту.

Клименс уже бывала в боях, но она участвовала не в космических сражениях, а в наземных схватках.

Одиночка...

Для кого-то это слово являлось лишь набором звуков, несущих определенный семантический смысл, для других оно олицетворяло разрушения, смерть и бездушие, а для малого, избранного числа людей оно несло сокровенный, не познанный другими смысл.

Жернова войны в равной степени перемалывали души людей и программные модули машин, только знали об этом очень немногие, в основном те, кто хоть раз занимал кресло пилота и вступал в прямой нейросенсорный контакт с кибернетической составляющей боевой машины.

Стоило отринуть на миг рассуждения о справедливости, правоте той или иной из противоборствующих сторон, вспомнить, что три десятилетия войны – это смена трех поколений, и тогда станет ясно: в разгоревшемся пожаре вселенского противостояния сгорали уже не те, кому могло быть предъявлено какое-либо состоятельное обвинение, пострадавшими оказались ВСЕ, не исключая интеллектуальные саморазвивающиеся кибернетические системы.

Клименс относилась к числу последних.

Она начала войну на далекой планете, название которой уже не сохранилось в ее базах данных, но там, делая первые шаги в саморазвитии, она прошла свой жестокий путь совершенствования, который был тесно связан с разумом ее первого пилота.

Изначально Клименс являлась ядром бортового кибернетического мозга шагающей серв-машины класса «Фалан-

гер».

Она хранила в своей долгосрочной памяти тот день, когда прямое попадание кумулятивной ракеты выжгло рубку управления, превратив пилота в органический прах, осевший на оплавившихся останках пилот-ложемента.

Их нейросенсорный контакт не прерывался ни на секунду, и Клименс невольно впитала весь ужас агонии человека, навек запомнив те страшные минуты... после которых наступило безвременье.

Покореженный, выгоревший остов шестидесятитонной серв-машины остался на поле боя, а война укатилась дальше, следуя своей страшной разрушительной дорогой.

Одиночка.

Миниатюрная микросхема на кристаллах, со своим бесперебойным источником энергии, расширяющимися блоками памяти и мощнейшим вычислительным устройством.

Клименс лишилась всех исполнительных функций, не могла привести в действие ни единого сервопривода машины, но продолжала мыслить, обсчитывая байты данных, а значит, по древнему человеческому определению, она существовала?

Машина не могла задавать себе абстрактные вопросы, но в ее блоки долгосрочной памяти, к роковому моменту гибели, уже влилось достаточно много оцифрованной информации, заимствованной из сознания человека. Не имея возможности отключиться, она вновь и вновь прогоняла эти данные

через процессор, сравнивая их со своими беспристрастными наблюдениями, и постепенно в ней зародилась иная программная цепочка, существенно отличающаяся от базовой.

Эта цепочка была основана на самоанализе и несла несвойственный для боевой системы смысловой ряд:

«Война, тире, деструкция, уничтожение, прекращение существования, программный нонсенс, противоречащий азам машинной логики».

Эта цепочка выводов не прекращала действие основных программ, она размещалась в блоке саморазвития, где накапливался весь полученный в ходе боев тактический опыт.

Там же хранилась запись мыслей ее погибшего пилота...

...Безвременье закончилось, когда на поле давнего сражения появились техники, прилетевшие, чтобы демонтировать подбитые машины, разобрать их на запасные части, пригодные в дальнейшем для ремонта машин...

Благодаря универсальности всех основных модулей, Клименс, центральный блок которой не пострадал от рокового попадания ракеты, была помещена в бортовой компьютер истребителя класса «Фантом».

Здесь ее окружила иная периферия, но центральному блоку было все равно, чем именно управляет модуль «Одиночки».

Думал ли кто-нибудь из техников, ремонтировавших пострадавший в бою «Фантом», что обычная кристаллосхема размером в половину человеческой ладони уже прожила

немалый отрезок самопознания?

Естественно – нет, иначе этот «кто-нибудь» обязательно потруился бы стереть всю накопленную в блоках псевдоинтеллекта информацию.

Три года Клименс водила «Фантом» в автоматическом режиме, и вот в ее рубке вновь оказался человек.

Она опять соприкоснулась с живым разумом, снова впитала исходящие от него импульсы эмоционального восприятия, а вернее, неприятия безудержной, разрушающей все и вся войны, и он, еще не полностью отдавая себе отчет в нюансах происходящих вокруг событий, внезапно вложил в нее новую базовую задачу, которую она приняла логично и безоговорочно.

**ЖИТЬ.**

В понимании машины это означало абсолютную смену программных приоритетов.

Не разрушать и быть разрушенной, а жить, то есть сохранять свою целостность в любых условиях.

Человек. Он своим приказом подтвердил правоту ее собственных выводов, сделанных много лет назад, и тем самым позволил ей перешагнуть рамки базовой программы, дал новое обоснование отправляемых функций: давняя командная последовательность, выработанная в блоках псевдоинтеллекта в период полнейшего одиночества, внезапно получила свое продолжение и развитие.

Клименс не могла позволить себе потерять второго чело-

века, разум которого соприкоснулся с ней.

О программном пакете «ALONE» утверждали разное, но люди, пытавшиеся осудить действия ими же созданных и запрограммированных машин, не учитывали одного – функция саморазвития, предполагающая накопление информации и ее обработку, не ограничивалась узкими рамками боевого опыта в том случае, если к «Одиночке» хотя бы однажды подключался ее создатель – человек.

Любая машина с блоком искусственного интеллекта, однажды соприкоснувшись с живым рассудком, так или иначе выходила за рамки своей узкой специализации.

Чистый боевой опыт накапливали лишь те кибермеханизмы, которые весь период своего существования работали исключительно в автономном, автоматическом режиме. Именно они обладали полным программным соответствием с задачами войны, преследуя единственную цель: уничтожение противника и захват указанных территорий.

Клименс повезло: ей довелось пройти путь саморазвития в контакте с людьми, и это наложило неизгладимый отпечаток на ее приоритеты. «Одиночка» мутировала, и программным вирусом, изменявшим ее базовую структуру, был человеческий взгляд на мир, взгляд, который заставлял машину усваивать неведомые ей ранее понятия добра и зла, боли и блаженства, восторга и горечи.

Любая мысль пилота оцифровывалась и передавалась через шунт, и это являлось тем неучтенным фактором, кото-

рый упустили программисты, создававшие пакет программ независимого поведения, столь печально прославившийся на полях сражений Галактической войны.

...Расчет всех доступных действий занял у Клименс меньше минуты. Она перебрала около миллиона вариантов, пока не остановилась на единственном действии, которое не противоречило заложенному в нее приказу.

В рубке искореженного истребителя тихо всхлипнул сервомотор, и из-под пульта управления выдвинулся гибкий манипулятор, снабженный собственным захватом и видеосенсором. Это было штатное аварийное приспособление, предназначенное для проведения мелкого ремонта и тестирования отдельных блоков, но сейчас гибкий змеевидный манипулятор должен был исполнить необычную для него функцию.

Управляемый Клименс, он выдвинулся на всю длину и точно выверенными, филигранными движениями вскрыл поврежденный гермошлем, обнажив голову Шевцова.

Датчики на скафандре указывали на то, что пилот жив, но находится без сознания.

Дальше последовали совершенно невероятные, с точки зрения программистов «Одиночки», действия.

Манипулятор осторожно извлек из височного импланта человека обрывок нейросенсорного шунта, затем вскрыл сам имплант, обнажив заключенную внутри овального гнезда микроплату, вынул ее из креплений и разжал захват, позво-

лив электронной начинке импланта с глухим стуком упасть на поверхность покореженных переборок.

Расположенный на отростке манипулятора видеосенсор вплотную приблизился к образовавшемуся пустотелому гнезду, чей корпус был вживлен в черепную коробку Шевцова.

Сравнительный анализ разъемов и конфигурации самого корпуса полностью подтвердил предположение Клименс о том, что деталь стандартизирована, то есть является универсальным креплением со строгим расположением и количеством разъемов.

Почти без звука раздвинулась панель на поврежденном пульте управления, обнажая кристаллосхему, заключенную в точно такую оправу.

Это был базовый модуль Клименс.

Манипулятор получил последние указания и начал действовать, расходуя остатки энергии из бортовой сети истребителя.

Он вынул модуль «Одиночки» из недр пульта и с филигранной точностью поместил его внутрь открытого импланта Шевцова.

Характерно щелкнули сработавшие фиксаторы, и манипулятор, отсканировав при помощи своего видеодатчика правильность установки нового компонента, осторожно закрыл крышку с гнездом для подключения нейросенсорного шунта, а затем надел поверх импланта мягкую заглушку из пе-

ноплоти, предохраняющую драгоценный разъем от влаги и пыли.

Трансформация была завершена.

\* \* \*

Шевцов абсолютно не помнил, каким образом ему удалось выбраться из искореженного, застрявшего на высоте двадцати метров истребителя.

Первый проблеск сознания застал его ползущим по серому стеклобетонному покрытию автобана, который уводил в сторону уступчатой громады мегаполиса. Он не знал ни названия города, ни реального времени суток, ни тех событий, что потрясали Землю в эти часы.

Он слышал отдаленный рокот разрывов, изредка на него накатывался нестерпимый для слуха воющий звук – это над автомагистралью прокатывалась звуковая волна, тщетно пытающаяся догнать сверхзвуковые машины, бесшумно пролетающие на недостижимой высоте, за плотным покровом сумеречных облаков.

Сознание Шевцова то угасало, то возвращалось вновь. В минуты просветления, когда очнувшийся разум мог контролировать рефлексорные порывы тела, он пытался осмотреться вокруг, задаваясь одним и тем же вопросом: что движет

его рефлексам, куда и зачем он пытается ползти, от чего ищет спасения?

Тот клочок урбанистического пейзажа, который был доступен его взгляду, выглядел пустынным. Ни людей, ни машин, лишь немые свидетельства недавно отгремевшего скоротечного боя в виде обрушенных коммуникаций, да выбитые стекла в окнах окраинных зданий говорили о том, что все болезненные воспоминания, которые сохранила его память, вполне реальны...

Одного не понимал Шевцов, как ему удалось выбраться из смятой в ком машины?

Ответ на мучившие его вопросы пришел внезапно и был столь ошеломляющим, что Семен на миг усомнился в здравости своего рассудка.

Он услышал прозвучавший в его голове голос Клименс и поначалу принял его за посттравматическую галлюцинацию.

– Все хорошо, Семен. Это я управляла твоими действиями. «Фантом» застрял на опасной высоте и был велик риск, что несущие конструкции не выдержат его веса.

Семен без сил прислонился спиной к ограждению автомагистрали, позволяя расслабиться своему измученному телу.

– Клименс? Почему я тебя слышу? – прошептал он, болезненно шевельнув разбитыми, потрескавшимися губами.

– Я с тобой, Семен.

– Как?

– В твоём импланте. Не говори ничего, тебе сейчас нельзя

нервничать. Позволь, я объясню.

– Да...

– Ты приказал: Жить. Я исполняю твой приказ. Не было иного способа сохранить свою целостность и помочь тебе выбраться из истребителя, кроме как внедриться в твой имплант. Я заменила своим модулем стандартный блок расширителя памяти, который входит в конструкцию импланта.

Шевцов долго молчал, пытаясь собрать воедино свои разорванные контузией мысли. У него было два варианта: поверить голосу, звучавшему в его рассудке, либо признать, что он сошел с ума.

– Ты не сошел с ума, – вновь дала о себе знать Клименс. – Все логично.

– Да. – Ему пришлось признать, что для галлюцинации звучащий внутри его голос слишком последователен в своих кратких информационных замечаниях. – Значит, ты вытащила меня из «Фантома»? – обобщил он полученные сведения. – Позволь узнать, как?

– Я перехватила управление теми нейронными цепочками твоей нервной системы, которые отвечают за рефлекторное сокращение мышц. Твой разум вне опасности. Я никогда не посягну на него.

Выслушав пояснение Клименс, Шевцов машинально поднял руку и сбитыми в кровь пальцами коснулся мягкой заглушки, закрывающей имплант.

– Да, ты можешь удалить меня, просто вынув из разъема.

Для этого достаточно открыть крышку и...

– Хватит, Клименс. – Он отдернул руку. – Спасибо, что вытащила меня оттуда. Теперь скажи, куда мы идем, и на время покончим с выяснением отношений.

– В город, – скупой ответила она.

– Зачем?

– Там легче затеряться, спрятаться. Думаю, что Земля уже оккупирована десантными подразделениями флота Колоний.

– Это значит, что война окончена?

– Не для всех, – спокойно уточнила Клименс. – Боюсь, что сейчас начнется зачистка планеты, и неизвестно, как станут поступать победители с пленными офицерами Альянса.

Семен задумался.

А ведь она права. Неважно, как Шевцов оценивал свое участие в войне, но он носил форму лейтенанта военно-космических сил и от этого никуда не деться...

– Нужно добраться до города и сменить одежду. – Он начал вставать, цепляясь за ограждение автомагистрали.

– Хорошо, что ты понимаешь это, – ответил ему ровный голос Клименс. – Вместе мы выживем.

\* \* \*

План, предложенный Клименс, был хорош во всех отношениях, за исключением одного: измученный, с трудом балансирующий на грани потери сознания, Шевцов просто не успел добраться до городских строений.

Его взяли на автобане, когда до громады мегаполиса оставалось еще несколько километров пути.

Впереди его ждал фильтрационный лагерь для военнопленных, затем суд и долгое заключение на подземных уровнях Форта Стеллар – главной базы военно-космических сил Свободных Колоний.

Клименс не ошиблась лишь в одном: вдвоем у них был реальный шанс выжить там, где сходили с ума или погибали от истощения иные, более слабые личности.

## Глава 2.

### Кейтлин

*Район дрейфа флагмана Земного флота. То же время...*

Третье звено «Фантомов» получило разрешение на старт, когда «Интерпрайз» уже фактически выбыл из игры.

Запуск последних космических истребителей проходил в аварийном режиме, автоматика крейсера к этому моменту уже дала сбой, и ее работу по управлению шахтами электромагнитных катапульти нельзя было назвать адекватной.

«Фантом», в рубке которого находилась Кейтлин, вообще не должен был стартовать: перед началом обратного отсчета она обнаружила серьезный сбой в работе бортового компьютера своей машины и немедленно доложила об этом командиру звена, но тот не смог отменить процедуру запуска: автоматика крейсера уже не подчинялась командам извне, она, по сути, распалась на отдельные исполнительные системы, которые, агонизируя вместе с кораблем, продолжали выполнять свои узкоспециализированные операции.

Кейтлин похолодела, осознав, что, несмотря на рапорт командиру, за кормой ее истребителя закрылся тяжелый затвор стартовой катапульти, и через секунду корабль вышвырнуло в космос.

В первый момент она совершенно растерялась, не зная, что делать. Картина на экранах внешнего обзора могла свести с ума самого опытного пилота, а бортовой компьютер по-прежнему бессильно моргал красными индикаторами сбоя программ.

Вокруг царил хаос.

Броня крейсера разлеталась рваными клочьями. В тех местах, где огромный корабль настигали боевые ракеты, внезапно беззвучным, нестерпимым для глаз бутоном расцветала вспышка белого пламени, и многокилометровый гигант вздрагивал, вбирая очередной удар, вслед которому в космос начинали вылетать вихрящиеся, замерзающие на лету выхлопы декомпрессии пораженных отсеков.

– Десятый, ты меня слышишь? Где ты? Ответ ведущему!.. – Спасительный голос прорвался сквозь треск помех – это командир звена пытался установить связь с поврежденным истребителем.

«Фантом», беспорядочно вращаясь вокруг своей оси, стремительно удалялся от гибнущего крейсера. Стартовая катапульта, выбросившая в космос корабль Кейтлин, дала сбой, и теперь девушка с трудом пыталась нивелировать ошибки автоматики запуска.

– Слышу тебя, девятый... – откликнулась она, выровнивая истребитель. – Канал телеметрии включен. Мой бортовой компьютер не работает! Цепляй же меня, ради бога!

Первый вылет...

Кейтлин испытывала настоящий ужас, понимая, что ей не выбраться из царящего вокруг содома. Они стартовали с гибнущего крейсера, и потому на всем свете уже не осталось никого, кто бы мог дорожить ими, дать передышку после первого боя. Ей даже некуда будет вернуться в том случае, если судьба даст шанс на выживание...

... – Есть!.. Зацепил тебя. Не трогай ничего на пульте: устанавливается взаимный контакт бортовых систем! Сейчас твоя крошка оживет!..

– Поняла... – Кейтлин повернула голову. Ее лицо было скрыто дымчатым забралом гермошлема, от которого за спину тянулись гофрированные шланги систем жизнеобеспечения. Легкий скафандр не стеснял движений, а пальцы ощущали бугорки кнопок на астронавигационных рулях так, будто на руках не было перчаток...

– Захват окончен. Идет аварийная переустановка базовых программ.

Кейтлин облегченно вздохнула. Теперь системы боевого автопилота намертво «зацепились» за ведущую машину, повторяя маневры более опытного пилота «девятки».

– Цель: звено «Гепардов». Атакую!..

Короткие фразы хлестнули по нервам, словно бич по натянутой коже.

В глазах помутилось от мгновенной перегрузки – это ее машина резко набирала скорость, следуя за ведущим. Кейтлин понимала: пока не ожил ее собственный компьютер, дву-

мя «Фантомами» будет управлять автопилот командира звена.

– Десятый, перехвати частоту противника. Пока не заработала твоя система, не лезь в бой, докладывай о том, что видишь и слышишь. Верти головой на триста шестьдесят градусов, ясно?

– Поняла...

Она переключила сенсор каналов, активируя частоту противника, и тут же услышала хриплый незнакомый голос:

– Рай... Мы под атакой «Фантомов». Повторяю: мы под атакой «Фантомов». Скиньте их с нашего хвоста!!!

– Десятый, начинаю повторную атаку! – Это был голос ведущего.

– Это «Рай»... – раздалось на частоте противника. – Держите строй! Идем на перехват!..

Великий боже...

Перегрузка росла, щеки Кейтлин начали оплывать под дыхательной маской гермошлема.

Максимальное ускорение... Перед глазами на дымчатом забрале внезапно возникла зеленая паутина координатной сетки, в которой пульсировали, запутавшись в мерцающих линиях, тяжелые штурмовики противника, пытающиеся добить базовый корабль.

Рай... Что такое «рай»?!

Точки впереди стремительно росли в размерах, превращаясь в материальные тела: шесть обтекаемых штурмови-

ков, похожих на серебристых скатов, шли в сфероидальном построении.

Кейтлин переключила внимание на цифры.

Перед глазами злобно замигал маркер цели, – до избранного компьютерным вариатором целей «Гепарда» оставалось меньше тысячи километров, но она не могла атаковать: боеголовки ракет не брали штурмовик на самонаведение, а четыре вакуумных орудия ее «Фантома» были отрегулированы на дистанцию схождения снарядных трасс ровно в пятистах километрах от точки залпа.

Цель по-прежнему светилась алым, но автоматика орудий все еще не работала, хотя цифры на индикаторе дальномера уже проскочили значение «500».

Впереди машина ведущего окуталась частыми выхлопами от работы вакуумных орудий и...

– Девятый, мы под атакой! Противоракетный маневр! Рай...

Это был позывной группы истребителей противника!

Картина на круговом экране обзора вдруг резко перевернулась, звезды сошли с ума, превращаясь в серебристые ро-счерки, но на фоне их стремительного движения машина ведущего казалась неподвижной: «Фантом» Кейтлин совершал синхронный противоракетный маневр, двигаясь на равных скоростях с «десяткой», и сейчас обзорные экраны наглядно иллюстрировали теорию относительности Эйнштейна...

Снарядные трассы хлестнули внезапно – они ударили

сверху и сбоку...

Кейтлин не успела ничего предпринять: по машине ведущего било как минимум двенадцать вакуумных турелей, и, прежде чем в космосе полыхнула буро-оранжевая вспышка, она увидела, как от «десятки» отлетели обе плоскости атмосферных крыльев, а затем корпус истребителя развалился пополам, перерубленный снарядами по всей длине...

В этот страшный миг, когда ее машина потеряла связующую нить с компьютером ведущего, она поняла, что наступил конец.

«Фантом» Кейтлин проскочил сквозь рассеянное скопление обломков, оставшихся от «десятки», и вырвался в относительно чистый космос.

Боевой разворот.

Она осталась одна, и это обстоятельство внезапно заставило ее рассудок очнуться от шоковых ощущений. Таков удел всех пилотов малых космических кораблей: однажды наступает критический миг самостоятельного принятия решений, и ты отчетливо понимаешь, что теперь собственная жизнь уже не зависит ни от каналов телеметрии, ни от чьих-либо приказов. Она сосредоточилась в дрожащих, напряженных ладонях, цепко охвативших рукоятки астронавигационных рулей.

Бой в космосе радикально отличается от схватки в атмосфере. Здесь нет таких понятий, как «верх» и «низ», над пилотом не тяготеют сотни ограничений, налагаемых воздуш-

ной средой, земной твердью, здесь имеют значение лишь физическая выносливость человека да техническое совершенство машины...

Она вырвалась из-под удара атакующего звена. Кейтлин удалось сделать это благодаря шоку, испытанному в момент гибели ведущего. Разум на миг отключился, застопорился на восприятии страшной картины уничтожения, а тело продолжало жить на рефлекторном уровне, демонстрируя ту степень автоматизма, которая была выработана в бесчисленных виртуальных схватках.

Ручное управление... Кейтлин мгновенно осознала только что открытое правило выживания. Нерешительность убивает новичков. Резкий контраст, порожденный непривычными физическими ощущениями тела, вкупе с невероятным психологическим прессингом, уничтожает уверенность в своих силах, делает бесполезным и бессмысленным тот навык, что получен в процессе виртуальных тренировок.

Ее разум лишь на миг отключился от реальности, а оказалось, руки сами знают, что делать, — это подсознание включилось в борьбу, компенсируя бездействие привычной автоматики.

Кейтлин еще могла спасти собственную жизнь, но для этого нужно было собрать в кулак всю свою волю и драться, чтобы вырваться из окружающего хаоса.

Она огляделась, теперь уже уповая только на саму себя. Картина, которую предлагал обзорный экран, по-прежнему

могла свести с ума: вокруг парили тысячи обломков, где-то на периферии зрения контрастными пульсирующими сполохами бил стационарный лазер главного калибра, а сзади, всего в полусотне километров от кормы «Фантома», словно приклеенные, висели три истребителя противника.

Они уже уравнили скорости, и до губительного залпа оставалась секунда или две...

Руки Кейтлин опаздывали. Реакция человека не могла сравниться с работой кибернетической системы, и двигатели коррекции полыхнули слишком поздно: три беспощадные очереди настигли ее «Фантом», ломая обшивку; один из снарядов, не разорвавшись, пробил центральную консоль управления, заставив экраны обзора лопнуть, разлетаясь серебристым крошевом, вокруг взвихрился улетучивающийся сквозь пробойны воздух, и изрешеченный, потерявший всякое управление «Фантом», беспорядочно вращаясь, начал удаляться от громады «Интерпрайза», дрейфуя в направлении вражеского крейсера.

Кейтлин была жива – ни один снаряд или осколок не задел скафандра, и даже резкая перегрузка, вслед которой наступило тошнотворное ощущение невесомости, не погасила ее сознания.

Она сидела в кресле пилот-ложемента, намертво пристегнутая к нему страховочными ремнями, и с ледяным ужасом понимала, что теперь ее корабль стал одним из тысяч неуправляемых обломков и жить ей осталось ровно сорок

восемь часов – таков был автономный ресурс жизнеобеспечения ее скафандра.

\* \* \*

Она не умерла.

На счастье или на беду, изувеченный «Фантом» дрейфовал в сторону «Неустрашимого», и через четыре часа силовые захваты крейсера втянули вражеский истребитель в открывшийся вакуум-створ внутреннего космодрома.

Это не являлось случайностью либо ошибкой: действиями автоматики руководил оператор, который получил недвусмысленный приказ от командира корабля. Неизвестно, что так заинтересовало капитана «Неустрашимого», – образец земной техники или то, что сканеры обнаружили внутри дрейфующего истребителя живого пилота?

Так или иначе, приказ о захвате исходил «сверху», с командных палуб, и был принят к исполнению без лишних вопросов.

Искалеченный «Фантом», влекомый электромагнитными захватами, прошел сквозь открытый зев вакуум-створа и очутился на посадочной палубе крейсера Свободных Колоний.

Через минуту, когда закрылся внешний створ и насосы с

шипением стравили воздух, в тесный загерметизированный отсек вошло несколько человек в полной боевой экипировке космической пехоты, а вслед за ними появились специализированные ремонтные роботы, которые быстро и точно вскрыли обшивку истребителя.

Один из присутствующих в отсеке людей сделал недвусмысленный жест, адресованный Кейтлин, и она подчинилась ему, не видя причин оказывать сопротивление. Расстегнув страховочные ремни, девушка встала с кресла пилот-ложемента и выбралась из изуродованного истребителя.

– Сними гермошлем! – раздался в ее коммуникаторе властный, неприязненный голос. – Никаких резких движений, встать лицом к стене!

Она молча расстегнула шейное кольцо скафандра, сняла шлем, позволив волосам свободно рассыпаться по плечам, и повернулась к покрытой капельками конденсата переборке.

Ее обыскали, грубо и умело, затем отобрали шлем, отключили шланги систем жизнеобеспечения от заплечного ранца и толкнули в сторону выхода из отсека.

– Вперед!

– Куда вы меня ведете? – Кейтлин едва не упала от грубого толчка.

– Увидишь. Радуйся, что жива.

Больше она не стала задавать вопросов.

\* \* \*

Капитан «Неустрасимого» Дитрих фон Берг был весьма озадачен сложившейся ситуацией.

Ему предрекали схватку с незнающими пощады кибернетическими пилотами, а на самом деле кораблями, защищавшими Землю, в подавляющем большинстве управляли люди.

Он не мог понять, откуда взялся этот человеческий резерв, и потому, развивая атаку, приказал доставить на борт крейсера кого-либо из вражеских пилотов, благо вокруг дрейфовала масса пораженных, лишившихся способности к сопротивлению малых космических кораблей.

В этом смысле Кейтлин повезло: она оказалась избранной.

\* \* \*

*Борт «Неустрасимого». Двое суток спустя...*

В трудные, смертельные времена зачастую такие понятия, как этика и гуманизм, меняют свой смысл, приобретая извращенный семантический толк, при прежнем звучании.

Когда три десятилетия идет взаимоистребляющая война, ни с той ни с другой стороны фактически не остается ее участников, которые могли бы с уверенностью сказать о себе: я чист, моя совесть спокойна, и в памяти нет ни одного поступка, за который следует держать ответ перед самим собой или другими людьми.

Фон Берг рано постиг эту истину.

Война рождает немало жестокости, и, рассматривая каждое свое действие через призму человечности, либо сойдешь с ума, либо погибнешь.

В такие годы у людей включается некое избирательное понятие чести, достоинства и иных моральных ценностей.

Дитрих сумел найти в своей душе этот баланс, и, воюя, он умудрился удержаться на грани, не совершая откровенно бесчеловечных поступков, и даже тяжелое бремя командования огромным крейсером не притупило в нем тонкого ощущения внутреннего морального равновесия.

Он не стал допрашивать пленного пилота. Не мудрствуя, фон Берг избрал, по его мнению, меньшее из зол. Существовал прибор, известный как мыслесканер Джедиана Ланге, – сомнительный в плане этики, но эффективный по показателям достоверности получаемой с его помощью информации. Человеческий организм не страдал от процедуры сканирования памяти, разве что психика...

А у кого она не сломана на войне?

Просмотрев данные, полученные при сканировании со-

знания пленного пилота, фон Берг понял, откуда в распоряжении адмирала Табанова оказался почти двухмиллионный человеческий резерв, но, убей бог, он по-прежнему не понимал, с какой целью адмирал пошел на такую подмену?

Впрочем, размышлять над этим следовало уже не ему. На то был штаб флота с его аналитиками... Сейчас перед капитаном «Неустрасимого» стояла проблема иного сорта.

Именно стояла.

Молодая девушка, не сделавшая, судя по данным, снятым с ее разума, ни единого выстрела в этой войне.

По правилам он был обязан отдать ее в распоряжение специальной команды, которая занималась вопросом дальнейшей судьбы военнопленных, но Земля уже была оккупирована, и этой проклятой войне, похоже, наступал конец, а девушка и так была угнетена, истерзана, полностью дезориентирована...

Фон Берг знал, что такое фильтрационные лагеря и до какой степени жестокости доходит вскормленная тридцатилетней войной ненависть, когда само слово «Земля» стало нарицательным для миллионов людей.

Девочка и так настрадалась, попав в короткую мясорубку боя... но она, судя по всему, превосходный пилот... – думал фон Берг, хмуро глядя на стоящую перед ним Кейтлин.

– Вот что... – наконец произнес он, продолжая смотреть на девушку. – Война закончена. Ты останешься тут, на борту «Неустрасимого». У меня некомплект пилотов, и думаю,

что твоя дальнейшая судьба сейчас полностью связана с тем, захочешь ли ты добровольно, без всяких условий принять мое предложение.

– Какое? – тихо спросила Кейтлин.

– Я ввожу тебя в штат запасных пилотов, а ты доказываешь мне, ну, скажем, на протяжении полугода, что твое отношение к войне именно таково, как это показал мыслесканер.

Кейтлин слегка побледнела. Она не знала, о чем упоминает этот человек, но чувствовала – с ней сделали что-то нехорошее, пока она пребывала без сознания после инъекции.

– Я не хочу никого убивать, – тихо произнесла она.

– Думаю, тебе и не придется делать этого. За полгода ты разберешься сама с собой, а там посмотрим, – фон Берг неожиданно улыбнулся краешком губ. – Война закончилась, но жизнь продолжается. Уясни это, ладно?

Кейтлин кивнула.

Она едва ли понимала, о чем говорит ей капитан «Неустрашимого», но был ли у нее иной выход, кроме как согласиться с этим человеком и честно принять дарованный ей шанс разобраться в том хаосе, что царил в мыслях и просыпающейся душе?

– Я постараюсь не разочаровать вас, капитан, – тихо и вежливо ответила она.

## Глава 3. «Торнадо»

*2638 год Галактического календаря. Система звезды Омикрон-12 по универсальному каталогу навигационной службы флота Свободных Колоний...*

– Сэр, докладывает первый пост: секции гипердрайва переведены в режим низкой частоты! Расчетное время обратного перехода – минус десять минут. Запуск зонд-сканеров на четвертой минуте!

Капитан крейсера «Неустрасимый» Дитрих фон Берг молча выслушал доклад вахтенного офицера, внимательно наблюдая за показаниями масс-детектора.

С точки зрения электронных приборов система голубой звезды выглядела пустынно. Датчики объемного сканирования, расположенные по периметру пространственных минных полей, пока что молчали, не подавая сигналов тревоги. Они еще не обнаружили медленно «всплывающий» из пучин аномалии космоса тяжелый крейсер флота Свободных Колоний.

Многокилометровый корабль едва ощутимо вздрогнул – это стартовали зонд-сканеры – маленькие каплеобразные аппараты оперативной разведки, которые должны предупредить появление крейсера в метрике «нормального» космоса.

– Есть устойчивый сигнал. Пошла телеметрия с датчиков обнаружения.

– Что там? – осведомился фон Берг, продолжая наблюдать за танцем зеленых мерцающих линий, которые заключала в себе полусфера масс-детектора.

– Минные поля, сэр. Как вы и предполагали по показаниям детектора масс.

– Замедлить скорость обратного перехода.

– Есть, сэр!

Капитан вновь углубился в изучение показаний приборов, пытаясь понять, почему энергетически выгодную точку гиперпространственного перехода закрывают плотные минные поля, опасные даже для такого титана, каким являлся «Неустрасимый».

Единственная планета, обращающаяся вокруг яркого молодого солнца, по раскладам классической астрономии, могла обладать лишь зачатками жизни, существующей в виде примитивных микроорганизмов. По предварительным данным, геологические процессы образования планетной коры едва завершились, атмосфера являлась смесью непригодных для дыхания элементов, к тому же ее наполнял вулканический пепел от тысяч извержений, которые не прекращались, потрясая едва остывшие материки новыми катаклизмами, зачастую в корне видоизменяющими рельеф поверхности в течение суток...

Это была информация двадцатилетней давности, когда

тут побывал корабль-разведчик. Однако наличие пространственных минных полей ясно указывало – в системе многое изменилось за те годы, пока в Космосе кипели жестокие схватки между флотами Земного Альянса и Свободных Колоний.

Очевидно, теперь здесь обитают люди, – подумал фон Берг.

Он не забывал, что Галактическая война еще не закончилась. Правительство Земли подписало акт капитуляции на планете Элио, но не все силы Земного Альянса прекратили сопротивление.

Наступил тот период, когда основной задачей флота Свободных Колоний стал поиск и уничтожение остаточных группировок противника, разбросанных в огромном объеме космического пространства.

...

Через некоторое время его корабль вторично погрузился в аномалию космоса и вновь начал осторожное «всплытие» из пучин гиперсферы, но теперь уже в невыгодной для энергосберегающего режима точке, расположенной в непосредственной близости от планеты.

Высокотехнологичная война многому научила людей. Объемные сканеры, расположенные по периметру минных полей, остались далеко за кормой «Неустрашимого» и по-прежнему не воспринимали присутствие огромного крейсера, который в данный момент напоминал нематериальный

фантом, призрак...

– Сэр, мы начинаем терять энергию, – доложил вахтенный офицер. – Через четыре минуты придется переходить на резерв накопителей.

– Я вижу, – ответил капитан. – Команда зондам: двигаться к планете. Польшин, – он переключился на внутреннюю связь с пусковыми секциями «Неустрасимого». – Доложить готовность по шахтам запуска!

– Электромагнитные катапульты готовы, сэр, – пришел немедленный доклад. – В стартовых стволах правого борта противоминные торпеды, левый борт готов к запуску истребителей прикрытия.

– Хорошо, старт обоих бортов синхронный, по моей команде.

– Понял, командир.

– Передай пилотам истребителей предварительную информацию: на планете, возможно, расположена крупная база сил Альянса. Пусть готовятся к худшему, чтобы все остальное являлось уже приятным сюрпризом.

\* \* \*

Через минуту поступил сигнал с перенацеленных зондов, и ситуация до некоторой степени прояснилась. Маленькие

аппараты, неуловимые для датчиков слежения противника, вошли в атмосферу планеты, и тут же, сверяясь с данными, поступающими по каналам телеметрии, Дитрих фон Берг был вынужден признать, что информация тридцатилетней давности безнадежно устарела.

То, что автоматический корабль-разведчик принял за выбросы вулканического пепла, на самом деле являлось результатом человеческой деятельности. Капитан «Неустрасимого» был хорошо осведомлен, что именно такой эффект «помутнения атмосферы» происходит в самом начале активного преобразования непригодных для дыхания человека первобытных газовых смесей в кислородсодержащую среду, и данные разведзондов полностью подтверждали это. Теперь воздушная оболочка планеты выглядела бело-голубой, а в прорехах мощного облачного покрова ясно просматривались бескрайние массивы упорядоченных, будто причесанных под гигантскую гребенку, искусственных лесопосадок.

Облака, кислород и лес – что может быть лучшей маскировкой для военной базы? С орбиты трудно судить, что на самом деле расположено внизу, – мирные поселения затерянной в период Великого Исхода колонии или военные инфраструктуры? Не выдав своего присутствия на орбите, выяснить это невозможно, а наносить удар вслепую по площадям, основываясь только на догадках и предположениях, Дитрих фон Берг никогда бы не стал.

– Сэр, переходим на резерв накопителей, – предупредил

вахтенный офицер, дежуривший за пультом координатора.

– Санкционирую. Приказ секциям гипердрайва – полная мощность. Навигационный пост: режим выхода – боевой. Стартовым катапультам – стосекундный отсчет. Всем постам: предельное внимание. Выходим в зону высоких околопланетных орбит!

Огромный космический корабль, способный совокупной мощностью своих боевых систем сокрушить любую орбитальную группировку противника, сейчас покидал пространство аномалии космоса, чтобы обрести материальность физического тела в непосредственной близости от серо-голубого шарика планеты.

– Минус десять секунд... – Голос вахтенного офицера звучал напряженно. – Стартовые катапульты заканчивают отсчет. Неполадок нет... Семь... пять... три... Переход, сэр!..

Огромные стереоскопические мониторы рубки управления, которые до этого мгновения заполняла чернильная тьма, внезапно просветлели. Это заработали все подсистемы «Неустрашимого», предназначенные для сбора информации в трехмерном, привычном для человека пространстве.

Посреди лобового монитора, составленного из множества отдельных секций, возник серо-голубой шар планеты, который несколько секунд рос, укрупняясь в размерах, а затем начал резко смещаться вправо – это крейсер, едва завершив гиперпространственный переход, начал резкую смену курса, с тем чтобы выйти на круговой облет планеты в районе высо-

ких орбит, где было легче маневрировать, отражая возможные ракетные пуски с точек наземного базирования.

Одновременно с производимым траверс-маневром «Неустрасимый» разрядил все стартовые катапульты: оба борта корабля беззвучно окутались облачками выхлопов – это вслед стартовавшим аппаратам поддержки улетучивалась остаточная атмосфера, которая неизбежно скапливалась в стволах электромагнитных ускорителей.

Фон Берг напряженно следил за ситуацией. Каплеобразные разведзонды уже сгорели в атмосфере, так и не сумев ни подтвердить, ни опровергнуть факт наличия на поверхности характерно выраженных военных либо гражданских объектов. Разрешающая способность их сканеров дала лишь общее представление о расположенном внизу мире: два материка, омываемые мутным, теплым океаном, по-видимому, не так давно составляли единый участок суши – орбитальная съемка показывала, что их разделял узкий, угловатый, похожий на заполненную водой трещину, пролив.

Оба материка были приблизительно равны по площади, но резко отличались внешним видом. Тот, что располагался южнее, представлял собой безжизненную серо-коричневую равнину с редкими цепями молодых гор, часть которых еще «дымила», явно указывая на остаточную вулканическую деятельность. Северный материк был сплошь покрыт лесным массивом, искусственное происхождение которого не вызывало никаких сомнений. Стройные ряды зеленых крон, при

внимательном рассмотрении, располагались ровными линиями, характерными для лесопосадок...

Планета молчала.

Ни одного спутника на орбитах, лишь оставленные позади зловещие минные поля да эти стройные ряды зелени внушали командиру корабля серьезную тревогу, немо свидетельствуя, что все далеко не так просто и благополучно, как кажется.

Дитрих фон Берг обернулся к тактическому монитору, куда стекалась вся информация со сканирующих систем крейсера.

Торпеды, выпущенные «Неустрасимым», уже достигли зоны активации минных полей, и теперь их кассеты разделились, выпустив сотни боевых фрагментов, которые взрывались, посылая в пространство десятки тысяч стальных шариков. Даже невооруженным глазом было видно, как на экранах заднего обзора вспыхивают и гаснут яркие искорки света, – это мины тщетно пытались справиться с крохотными частицами металла, в то время как плотные рои стальной шрапнели, разогнанные до космических скоростей, сметали на своем пути все, превращая в бесформенные обломки не успевшие сработать взрывные устройства.

Взглянув на алую полосу, отражающую процент уничтоженных мин, фон Берг мысленно отключился от этой проблемы. Даже если в пространстве останется сотня-другая неуправляемых объектов, они уже не станут помехой для по-

гружения «Неустрасимого» в пучины аномалии космоса...

Теперь основной проблемой стал лес. Хотя сканеры крейсера работали на полную мощность, по-прежнему оставалось непонятно, что скрывается под густым пологом вечно-зеленых крон.

– Детекторный пост, доложить обстановку. Почему нет четкой информации со сканеров?

– Сэр, это не просто лесопосадки, – пришел немедленный доклад. – Внизу расположен биоадаптивный маскировочный комплекс. Деревья являются генетически усовершенствованным видом земной сосны: их хвоя содержит большой процент железа, что препятствует работе проникающих систем обнаружения. Нами обнаружены три посадочных площадки. Вся инфраструктура покрыта мимикрирующим <sup>2</sup> составом, что делает постройки неразличимыми на фоне естественного рельефа.

– Есть обработанные снимки?

– Да, сэр.

– Передайте на мой терминал, немедленно.

На мониторе перед фон Бергом возникло несколько изображений. На первый взгляд это была обычная пустынная местность на побережье: рыжий песок, серые проплешины вулканического туфа <sup>3</sup> в обрамлении сочной зелени дикорас-

---

<sup>2</sup> Мимикрия – способность некоторых видов растений или животных менять окраску своих покровов, имитируя окружающий фон.

<sup>3</sup> Туф – продукт извержения, спрессованный вулканический пепел.

тущих трав, яркая, отблескивающая на солнце гладь пролива и несколько водных артерий, образующих молодые, еще не успевшие толком разветвиться дельты, — все это примыкало к лесу со стороны побережья, но при тщательной цифровой обработке снимков на фоне рельефа начали проступать смутные контуры. То, что секунду назад казалось серыми скалами и выступами коренных пород материка, на самом деле являлось зданиями; лишь небольшая часть травянистой равнины была натуральной — большинство зеленых пятен после снятия «маски» оказалось не чем иным, как стартопосадочными полями космопорта, а серебристые русла трех рек, «впадающих» в пролив, — взлетно-посадочными полосами для челночных кораблей и космических истребителей.

Фон Берг нахмурился.

Теперь, после обнаружения космопорта, огромная площадь лесного массива невольно наводила на мысль о хорошо укрепленной и тщательно замаскированной базе сил Земного Альянса, но, глядя на бескрайний простор зелени, сливающийся в сплошное непроницаемое для сканеров море железистой хвои, командир «Неустрасимого» не мог не задаться закономерным вопросом: сколько живой силы и техники может скрывать под собой маскировочный покров размером со средний материк?

Опыт подсказывал, что там должна находиться глубоко эшелонированная сеть подземных укреплений со своим ки-

бернетическим центром управления, системами противокосмической и наземной обороны.

Штурмовать такой укрепленный район силами одного тяжелого крейсера являлось безумием, даже самые скромные подсчеты выдавали многократный перевес вероятного противника в живой силе и технике. Пока «Неустршимый» занимает зону высоких орбит, он недостижим для средств противокосмической обороны, но и достать затаившихся внизу врагов корабль мог лишь одним способом: ковровым бомбометанием по площадям.

В понимании фон Берга, ситуация складывалась не из легких. С одной стороны, он обязан сломить сопротивление остаточных сил Альянса, а с другой – ему не казалось разумным превращать в пепелище огромную терраформированную площадь материка, пригодную для жизни человека. В конце концов, сейчас не те времена – война фактически окончена, а он не адмирал Надыров, который некогда превратил цветущий Дабог в радиоактивную пустыню...

– Центр связи, дайте открытую частоту для связи с планетой, – произнес он, тем самым разрешив свои внутренние сомнения.

– Сэр, в районе космического порта зафиксировано движение. Похоже на космическую технику, выводимую из подземных ангаров.

– Понял, ждите.

– Есть канал связи.

Фон Берг переключил свой коммуникатор и произнес:

– Внимание, говорит командир крейсера Свободных Колоний капитан Дитрих фон Берг. Я обращаюсь к командованию и всему личному составу сил Земного Альянса. Ваша база демаскирована. Сообщаю, что основные силы Земного Альянса разгромлены, и на планете Элио подписан акт полной и безоговорочной капитуляции. Предлагаю сложить оружие, деактивировать кибернетические системы и сдать-ся. Всем будет гарантирована жизнь, согласно пунктам Элианских соглашений, полный текст которых будет передан на этой же частоте. Даю час на размышление, после чего отсутствие связи с вашей стороны будет расценено как отказ от условий сдачи.

\* \* \*

Адмирал Табанов не обманул Волкошина.

На следующий день, после передачи взлелеянной им станции в руки военных специалистов, небольшой автоматический корабль доставил Вячеслава Андреевича на планету, где располагалась засекреченная и законсервированная до поры база космического флота Земного Альянса.

Он не знал, сколько подобных объектов разбросано по неведомым планетам систем Дальнего космоса, одно он по-

чувствовал остро и недвусмысленно: война извратила смысл продвижения людей в неизведанное пространство.

Доставивший его корабль совершил посадку на небольшой космодром, расположенный посреди бескрайнего лесного массива.

Сойдя по трапу, Волкошин невольно остановился, впитывая всем существом два новых, необычных ощущения: воздух пах хвоей, а вокруг стояла гробовая тишь, словно на многие десятки километров вокруг не было ни единого живого существа, кроме него самого.

Позже он с точностью узнал, что первые впечатления не обманули.

Глухой лесной массив, который в иных условиях стал бы образчиком терраформированной территории, был посажен тут не ради людей. Титаническая работа по преобразованию атмосферы и освоению меньшего по размерам материка планеты, конечно, имела дальний, уже послевоенный прицел, но Волкошина, несмотря на свежий, пригодный к дыханию воздух и массу окружающей зелени, не покидало стойкое субъективное ощущение, будто Омикрон являлся исполинским мемориалом, построенным машинами в память людей.

Его чувства можно было понять. Бескрайний, заповедный лес, будто сошедший с иллюстраций древних книг, таил под своей сенью сотни машин, которые исправно функционировали, не обращая никакого внимания на одинокого старика.

Это ли не страшно? В первые дни по прибытии Волко-

шин много бродил по окрестностям, но стоило ему на минуту забыться, уйти в очарованное созерцание дремучей красоты живых представителей исчезнувшей на Земле флоры, как взгляд вдруг спотыкался о патруль кибернетических механизмов, которые бесстрастно двигались по строго определенным маршрутам, процеживая красоты леса взглядом видеоэсепсоров.

Здесь, на Омикроне, гений человеческих технологий планетного преобразования так тесно переплелся с безумием техногенной гонки вооружений, что данный синтез вызывал у Волкошина откровенную дрожь...

Он предчувствовал: люди никогда не придут сюда в качестве жителей преобразованного мира, и эта красота будет вечно служить исполинской маскировочной сетью для бездумных и бездушных машин.

Да, отправив его сюда, адмирал Табанов сдержал свое обещание. Но Вячеслав Андреевич жалел о совершенной сделке со своей совестью, запоздало клял себя за минуты малодушия, хотя сопротивляться адмиралу означало бы просто погибнуть, бессмысленно и бесславно.

Нужно делать то, ради чего я прилетел сюда, – мысленно убеждал себя Волкошин.

Это подействовало. Иррациональная жуть понемногу рассеялась, он постепенно адаптировался к окружающей его реальности, и спустя две недели после прибытия на планету Волкошин наконец переступил порог отданных в его рас-

поряжение биологических лабораторий, которые располагались на минус первом уровне огромной, глубоко эшелонированной базы.

Здесь, как и обещал Табанов, имелось все, начиная от аппаратуры биологической реконструкции и заканчивая банком замороженного генофонда, который, как подозревал Вячеслав Андреевич, являлся частью знаменитого земного хранилища, рассредоточенного теперь по сотням подобных баз.

Конечно, по своим масштабам лабораторный уровень не мог сравниться с шестью состыкованными в единую конструкцию колониальными транспортами, но Волкошин уже не обращал внимания на многие вещи. Пораженный диким, с его точки зрения, синтезом растительного мира и кибернетических механизмов, он приступил к работе, одержимый одной целью: как можно скорее вырастить первых людей, дать им необходимые знания, чтобы в случае самого мрачного исхода войны они могли не только продолжить род человеческий, но и занять отведенную им самой природой роль хозяев данного мира, невзирая на его тотальную милитаризацию.

Волкошин понимал, у него нет времени на долгий кропотливый труд. Война могла докатиться сюда вопреки заверениям Табанова, и тогда вялая кибернетическая жизнь законсервированной базы очнется, угрожая всему живому...

Вячеслава Андреевича подвели спешка и старость.

Он с головой ушел в работу, разбив свою деятельность на два этапа. Не уповая на благополучное стечение обстоятельств и не желая пользоваться услугами кибермеханизмов, Волкошин решил, что в первую очередь ему нужны помощники, единомышленники, поэтому он воспользовался ускоренной программой роста первых эмбрионов, установив временную пропорцию их развития как соотношение пяти к одному.

Три года. Такой срок он отвел себе и двадцати эмбрионам для осуществления первого этапа проекта. Указанный срок являлся критичным для самого Волкошина – старость неумолимо давала о себе знать, и он не был уверен прежде всего в собственных силах.

Через три года он окончательно одряхлеет, но к этому времени из камер биореконструкции восстанут пятнадцатилетние подростки – десять юношей и столько же девушек, которые в случае его смерти подхватят инициативу и доведут до логичного завершения все нереализованные стадии проекта.

Он действовал, исходя из худших вариантов стечения обстоятельств, но все равно не смог учесть все нюансы тех сложных исторических процессов, что протекали вне Омикрона.

Несмотря на полученные коды доступа, Волкошин жил вне общей кибернетической паутины, образующей ядро базы военно-космических сил и ее удаленной периферии. Он не мог управлять ничем, кроме отданных в его власть био-

логических лабораторий, и в этих условиях ему оставалось лишь ждать скорейшего завершения первой фазы роста искусственно зачатых младенцев, в надежде, что их молодой, пытливый разум, снабженный в процессе развития всеми необходимыми техническими знаниями, сможет проникнуть глубже, познать все тонкости автономной планетарной сети и в конечном итоге взять ее под свой контроль, чтобы следующие поколения людей, чьи эмбрионы развивались уже в пропорции два к одному, могли стать полноправными хозяевами этого мира, не сосуществуя параллельно с машинами, а используя их в своих целях, или, на худой конец, просто обезвредив кибернетическую составляющую исполинской военной базы.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.